

Клуб убийств по четвергам

Автор:

[Ричард Осман](#)

Клуб убийств по четвергам

Ричард Томас Осман

Клуб убийств МИФ Проза

Первое серьезное дело для женщины-полицейского...

Жестокое убийство...

Добро пожаловать в Клуб убийств по четвергам!

В доме престарелых, расположенном среди мирных сельских пейзажей, четверо друзей еженедельно встречаются в комнате для отдыха, чтобы обсудить нераскрытые преступления. Они называют себя Клубом убийств по четвергам. Элизабет, Джойс, Ибрагим и Рон уже разменяли восьмой десяток, но у них все еще есть кое-какие трюки в запасе. Когда местного строителя находят мертвым, а рядом с телом обнаруживается таинственная фотография, Клуб убийств по четвергам внезапно получает первое настоящее дело. Вскоре количество трупов начинает расти. Сможет ли наша необычная команда поймать убийцу, пока не стало слишком поздно?

Интересные факты

- Самый продаваемый дебютный роман со времен Дж. К. Роулинг.
- Самый продаваемый криминальный дебют всех времен.
- Самый продаваемый роман 2020 года (среди книг в мягком и твердом переплетах).

- Ричард Осман получил премию British Book Awards в номинации «Автор года».
- В первые три месяца после выхода книги роман взлетел на седьмую строчку по продажам книг в твердом переплете (за все время в Великобритании).
- Роман продержался в бестселлерах Sunday Times 13 недель подряд.
- Права на книгу куплены в 38 странах.
- По книге готовятся снимать фильм.
- Ричард Осман готовит к выходу в свет вторую и третью книги серии.

Больше интересных фактов об этой книге читайте в ЛитРес:Журнале:
<https://journal.litres.ru/klub-ubijstv-po-chetvergam-samyj-prodavaemyj-debyutnyj-roman-so-vremen-garri-pottera/> (<https://journal.litres.ru/klub-ubijstv-po-chetvergam-samyj-prodavaemyj-debyutnyj-roman-so-vremen-garri-pottera/>)

На русском языке публикуется впервые.

Ричард Осман

Клуб убийств по четвергам

Original title:

The Thursday Murder Club: A Novel

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

В тексте неоднократно упоминаются названия социальных сетей, принадлежащих Meta Platforms Inc., признанной экстремистской организацией на территории РФ.

The Thursday Murder Club

Copyright © 2020 by Richard Osman

All rights reserved

© Перевод, издание на русском языке, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2021

* * *

Моей маме, «последней уцелевшей Бренде», с любовью

Убить легко. Трудно спрятать тело – на этом все и попадаются.

А вот мне повезло наткнуться на подходящее место. Право, идеальное место.

Я иногда возвращаюсь туда, просто проверить, все ли в порядке. Всегда оказывается, что да, и надеюсь, так будет и впредь.

Я иной раз выкуриваю сигарету, хоть и знаю, что нельзя, но это мой единственный порок.

Часть первая. Новые знакомства

Глава 1. Джойс

Давайте-ка начнем с Элизабет, хорошо? И посмотрим, что из этого выйдет.

Я ее, конечно, знала: Элизабет здесь все знают. Она из квартир на три спальни в Ларкин-корт[1 - Многоквартирные дома в поселке называются по именам известных поэтов – Ларкин, Рёскин, Вордсворт и т. д. Здесь и далее примечания переводчика, если не указано иное.]. Вроде бы из угловой, с балкончиком. И еще я в одной викторине играла в команде со Стефаном, а он, по стечению многих обстоятельств, третий муж Элизабет.

Это случилось за ланчем месяца два или три назад и, должно быть, в понедельник, потому что подавали пастуший пирог. Элизабет сказала: она видит, я сейчас ем, но хотела бы задать вопрос про ножевую рану, так не будет ли это неудобно.

Я ответила: «Ничего, спрашивайте, конечно» или что-то в этом роде. Я не всегда точно все запоминаю, лучше уж сразу вам сказать. Тогда она открыла большой конверт, в котором я увидела листы с текстом и, кажется, краешки старых фотографий. А затем перешла прямо к делу.

Элизабет попросила меня представить, что некую девушку ударили ножом. Я спросила, каким ножом, а Элизабет сказала, что, вероятно, обычным кухонным. «Джон Льюис». Марку она не назвала, но я представила именно такой нож. Потом она попросила вообразить, что преступник ударил девушку три или четыре раза, точно под грудину. Выдернул – ударил, выдернул – ударил, мерзкие

раны, но артерию не задело. Элизабет говорила довольно тихо, потому что люди ели, а она все же привыкла держаться в рамках приличия.

И вот когда я представила себе эти ножевые раны, она меня спросила, за какое время та девушка истекла бы кровью до смерти.

Кстати, мне следовало бы раньше упомянуть, что я много лет была медсестрой, а то вам такой разговор может показаться странным. Элизабет об этом откуда-то прознала, она все знает. Словом, потому она ко мне и обратилась. Вы, верно, удивляетесь, к чему я веду. Даю слово, я все объясню.

Я, помню, промокнула губы, прежде чем отвечать, – как иногда показывают по телевизору. Это придает вам умный вид, сами попробуйте. Я спросила, сколько весила девушка.

Элизабет нашла в конверте нужный лист, поводила пальцем и прочитала, что вес девушки сорок шесть килограммов. Это нас обеих сбilo с толку – ни она, ни я не знали, сколько будет сорок шесть килограммов в нормальных единицах измерения. Я в уме подсчитала, вышло что-то около двадцати трех стоунов[2 - Стоун (или стон) – британская единица измерения массы, обычно используется, когда речь идет о массе тела человека. Равняется приблизительно 6,35 килограмма. Прим. ред.]. Мне казалось, считается два к одному. Но я сразу спохватилась, что, наверное, перепутала с дюймами и сантиметрами.

Элизабет меня заверила, что двадцать три стоуна та девушка точно не весила, у нее в конверте была фотография трупа. Затем сунула мне конверт и обратилась к залу: «Спросите кто-нибудь у Бернарда: сорок шесть килограммов – это сколько?»

Бернард всегда садился один за маленький столик ближе к патио. Стол номер восемь. Это вам знать ни к чему, но про Бернарда я немножко расскажу.

Он был очень добр ко мне, когда я только перебралась в Куперсчейз. Принес мне букетик клематисов и объяснил порядок вывоза мусора. Здесь четыре бачка разных цветов. Четыре! Спасибо Бернарду, я теперь знаю, что зеленый – для стекла, а голубой – для бумаги и картона. Насчет красного и черного можете гадать с тем же успехом, что и я. Чего я только не видела, проходя мимо. В один из них кто-то запихнул факсимильный аппарат.

Бернард раньше был профессором каких-то естественных наук, работал по всему миру, даже в Дубае побывал, когда никто еще о нем и не слышал. Он одевался к ланчу по всей форме, в костюме с галстуком, а вот читал при этом «Дейли экспресс».

Мэри из Рёскин-корта, сидевшая за соседним столиком, отвлекла его от газеты и спросила, сколько будет сорок шесть килограммов в стоунах.

Бернард кивнул и повернулся к Элизабет.

– Чуть больше семи и трех десятых.

Такой у нас Бернард.

Элизабет его поблагодарила и сказала, что вроде бы похоже на правду, после чего Бернард снова занялся кроссвордом. Я потом проверила насчет сантиметров и дюймов – хоть в этом я не ошиблась.

Элизабет вернулась к вопросу. Сколько прожила бы девушка после нескольких ударов кухонным ножом? Я предположила, что, если ей не оказали помощи, она, вероятно, умерла бы минут через сорок пять.

– Да, вот именно, Джойс, – сказала Элизабет и снова стала спрашивать: – А если бы девушке оказали помощь? Не врач, но человек, способный затампонировать рану. Например, отслуживший в армии. Или вроде того.

Я в свое время навидалась ножевых ран. Приходилось иметь дело не только с растянутыми лодыжками. Вот я и сказала, что тогда она бы вообще не умерла. И действительно, не умерла бы. Рана нешуточная, но ее без труда залатали бы.

Элизабет покивала и ответила, что она точно так и сказала Ибрагиму, хотя я тогда еще не была знакома с Ибрагимом. Я же говорю, с тех пор прошло пара месяцев.

Элизабет заподозрила, что дело тут нечисто и предположила, что девушку убил ее парень. Я знаю, такое часто случается. Вы сами о таком читали.

Наверное, до переезда подобный разговор меня удивил бы, но когда тут со всеми познакомишься, понимаешь, что это в порядке вещей. На прошлой неделе я разговорилась с человеком, который изобрел мятное мороженое с шоколадной крошкой, если не врет, конечно. Проверить-то мне негде.

Я рада была немножко помочь Элизабет и решила, что вправе рассчитывать на ответную услугу. Спросила, можно ли мне посмотреть фотографию трупа. Чисто профессиональный интерес.

Элизабет просияла, как просиял бы кто другой в ответ на просьбу показать снимки выпускного вечера внука или внучки. Она вытянула из конверта фотокопию на листе А4, положила передо мной чистой стороной вверх и сказала, что я могу оставить себе, у них у всех уже есть копии.

Я ответила, что она очень добра, а она – что не стоит благодарности и что нельзя ли задать мне еще один, последний вопрос.

– Конечно, – сказала я.

И она спросила: «Вы по четвергам не заняты?»

Можете мне не верить, но я тогда впервые услышала про четверги.

Глава 2

Констебль патрульной службы Донна де Фрейтас хотела бы иметь личное оружие. Она желала бы гоняться за серийными убийцами по пустынным складам, угрюмо делать свое дело, несмотря на кровоточащую пулевую рану в плече. Может быть, научиться пить виски и завести роман с напарником.

Но пока двадцатишестилетняя Донна сидит за ланчем – без четверти двенадцать! – с четырьмя незнакомыми пенсионерами и понимает, что до маньяков ей еще расти и расти. Впрочем, она готова признать, что последний час выдался довольно забавным.

Донна много раз проводила занятия «Практика домашней безопасности». И сегодня, как обычно, ее слушали пожилые люди: укутанные пледами колени, бесплатное печенье, кто-то блаженно похрапывает в заднем ряду. Каждый раз она советует одно и то же. Непременно, обязательно запирайте окна, проверяйте удостоверения и никогда не давайте никаких личных сведений по телефону. Главная ее задача – показать себя как надежную опору в ужасающем мире. Донна это понимает, к тому же это повод оторваться от бумаг и сбежать из участка, так что она сама вызвалась. Полицейский участок в Файрхэвене для Донны слишком уж сонный.

А сегодня она попала в поселок пенсионеров в Куперсчейзе. С виду совершенно мирный. Зелено, сонно и безмятежно, а подъезжая, она высмотрела симпатичный паб, чтобы пообедать на обратном пути. Так что с рукопашными и преследованием маньяков на скоростном катере придется подождать.

– Безопасность, – начала Донна, одновременно размышляя, стоит ли делать татуировку. С дельфином, пониже спины. Или это слишком избито? А больно будет? Наверное, будет, но она офицер полиции или кто? – Что мы подразумеваем под словом «безопасность»? Ну, разные люди понимают это слово по-...

В переднем ряду кто-то поднял руку. Что было не совсем обычно, и к тому же лекция только началась. Женщина за восемьдесят в безупречном платье хотела что-то сказать.

– Дорогая моя, мы все надеемся, что вы не будете учить нас запереть окна.

Женщина оглядела сидящих и дождалась одобрительного бормотания.

За ней вступил втиснутый в ходунки джентльмен из второго ряда.

– И пожалуйста, не надо про удостоверения. Про удостоверения мы уже все знаем. «Вы правда из газовой компании или вы взломщик?» Мы усвоили, честное слово.

И началось!

– Теперь не газовая компания, теперь «Центрика», – заметил мужчина в отличном костюме-тройке.

Тот, что сидел рядом с ним, – в шортах, шлепанцах и рубашке с эмблемой «Вест Хэм Юнайтед»[3 - Футбольный клуб Стратфорда.] – не упустил случая вскочить и ткнуть пальцем, ни в кого конкретно не целя.

– Скажи спасибо Тэтчер, Ибрагим. Когда-то это был наш газ!

– Ох, сядь ты, Рон, – одернула его женщина в изящном платье. И, обращаясь к Донне, добавила, медленно качая головой: – Прошу прощения за Рона.

Шум не умолкал.

– Что это за преступник, если он не умеет подделывать удостоверения?

– У меня катаракта. Сунь мне под нос библиотечный билет, я и впущу.

– Да теперь счетчики и не проверяют. Всё в Сети.

– В облаке, дорогая.

– Я бы даже обрадовалась взломщику. Хоть кто-то бы навестил.

Наконец возникло недолгое затишье. И какофония свиста: одни включали слуховые аппараты, другие их выключали. Женщина из первого ряда снова приняла командование.

– Так вот... я, кстати говоря, Элизабет... не надо про оконные задвижки, прошу вас, и про удостоверения, и можете не рассказывать, что нельзя называть свой ПИН позвонившему по телефону нигерийцу. Если еще позволительно называть их нигерийцами.

Донна де Фрейтас собралась с силами, но про ланч на обратном пути и про тату она больше не думала – вспоминала курс по противодействию уличным беспорядкам, прослушанный в старые добрые времена в Лондоне.

– Но тогда о чем же мы будем говорить? – спросила она. – Я должна чем-то занять сорок пять минут, а то мне не дадут отгул.

– Институциональный сексизм в полицейской службе? – предложила Элизабет.

– Я хотел бы послушать о противозаконном расстреле Марка Дугана – с санкции властей и...

– Сядь, Рон!

Так весело и приятно они провели час, после чего Донну горячо поблагодарили, показали ей фотографии внуков и пригласили остаться на ланч.

И вот она ест салат в «первоклассном современном ресторане» – если верить меню. Без четверти двенадцать рановато для ланча, но какой же полицейский откажется от дармового угощения? Донна отмечает, что пригласившая ее четверка не только управляет с полноценным ланчем, но и откупорила бутылку красного вина.

– В самом деле, изумительное выступление, Донна, – говорит Элизабет. – Нам ужасно понравилось.

Элизабет напоминает Донне тех учителей, которые месяцами наводят на тебя страх, а потом выводят «отлично» в году и плачут, расставаясь. Может быть, дело в твидовом пиджаке.

– Ослепительно, Донна, – подхватывает Рон. – Можно мне называть вас Донна, любовь моя?

– Можете называть меня Донной, но, пожалуй, не называйте «любовь моя», – говорит ему Донна.

– И то верно, милая, – соглашается Рон. – Запомню. Да, насчет той истории про украинца с парковочными талонами и цепной пилой. Вы можете недурно зарабатывать вечерними выступлениями. Я знаю кое-кого, хотите, дам телефон?

Салат – объедение, думает Донна, а она нечасто так думает.

- Из меня, наверное, вышел бы потрясающий контрабандист.

Это вступает Ибрагим - тот, кто на лекции упомянул «Центрику».

- Все дело в логистике, не так ли? И еще в развеске, а это я с удовольствием, развешу самым точным образом. А для счета денег у них теперь машинки. Все по-современному. Вы кого-нибудь ловили на контрабанде героина, Донна?

- Нет, - признается Донна, - хотя планирую.

- Но правда, что у них есть машинки для пересчитывания денег? - интересуется Ибрагим.

- Да, есть, - говорит Донна.

- Удивительно. - Ибрагим опрокидывает стаканчик вина.

- Мы быстро начинаем скучать, - добавляет Элизабет, тоже опустошив свой бокал. - Упаси нас бог от оконных задвижек, женщина-констебль де Фрейтас.

- Теперь говорят просто констебль, - сообщает Донна.

- Понятно, - поджимает губы Элизабет. - А если я все-таки буду говорить: женщина-констебль? Вы меня арестуете?

- Нет, но стану думать о вас чуточку хуже, - отвечает Донна. - Потому что это ведь такая малость, а вы оказали бы мне уважение.

- Черт! Шах и мат. Ладно! - говорит Элизабет и губ больше не поджимает.

- Спасибо, - говорит Донна.

- Угадайте, сколько мне лет, - поддразнивает ее Ибрагим.

Донна колеблется. Ибрагим хорошо одет, у него прекрасная кожа. И пахнет от него замечательно. И в нагрудном кармашке искусно сложенный платок. Волосы редеют, но сохранились. Ни брюшка, ни второго подбородка. И все же, если взглянуть глубже? Хм. Донна смотрит на руки. Руки всегда выдают возраст.

– Восемьдесят? – решается она.

И видит, как паруса Ибрагима опадают, теряя ветер.

– Да, угадали. Но я выгляжу моложе. Я выгляжу на семьдесят четыре. Все подтвердят. А все дело в пилатесе.

– А вы что о себе расскажете, Джойс? – обращается Донна к четвертой в компании – маленькой седой женщине в лавандовой блузке и сиреневом кардигане. Та сидит с совершенно счастливым видом, упиваясь разговором. Рот на замке, зато глаза сияют. Как притихшая птичка, высматривающая, не блеснет ли что на солнце.

– Я? – отзывается Джойс. – Мне и сказать нечего. Была медсестрой, потом мамой и снова медсестрой. Боюсь, ничего интересного.

Элизабет коротко фыркает.

– Вы ей не верьте, констебль де Фрейтас. Джойс из тех, кто доводит дело до конца.

– Просто я дисциплинированная, – говорит Джойс. – Это теперь немодно. Если я сказала, что буду ходить на зумбу, значит, пойду на зумбу. Такая уж я есть. Интересный человек в нашей семье – моя дочка. Она заведует хедж-фондом, если вы представляете, что это такое.

– Вообще-то не представляю, – признается Донна.

– И я, – соглашается Джойс.

– Зумба была до пилатеса, – говорит Ибрагим. – Я считаю, совмещать их не стоит. Для основных групп мышц это противоестественно.

На протяжении всего ланча Донну глодал один вопрос.

– Можно мне спросить? Я понимаю, что все вы живете в Куперсчейзе, но как вышло, что вы четверо стали друзьями?

– Друзьями? – кажется, Элизабет смешно. – О, дорогая, мы не друзья.

Рон хихикает.

– Господи, любовь моя, какие мы друзья! Тебе долить, Лиз?

Элизабет кивает, и Рон подливает вина. Пошла в ход вторая бутылка. Часы показывают 12:15.

Ибрагим поддерживает.

– Не думаю, что здесь подходит слово «друзья». Мы не стали бы просто так общаться, у нас очень разные интересы. Рон мне, пожалуй, нравится, но с ним бывает трудно.

Рон кивает.

– Еще как трудно!

– А у Элизабет слишком обескураживающие манеры.

Элизабет кивает.

– Боюсь, что так и есть. Я всегда была не на всякий вкус. Еще со школьных лет.

– Джойс мне нравится. Думаю, Джойс нам всем нравится, – говорит Ибрагим.

Рон с Элизабет снова кивают.

– Спасибо, конечно. – Джойс гоняет горошины по тарелке. – Вам не кажется, что пора бы уже кому-то изобрести плоский горошек?

Озадаченная Донна пытается разобраться.

– Но если вы не друзья, то кто же?

Донна видит, как Джойс, подняв глаза, качает головой и оглядывает остальных – совершенно невероятное собрание.

– Ну, – говорит Джойс, – во-первых, мы, конечно, друзья, просто до них немножко с запозданием доходит. И во-вторых, констебль де Фрейтас, если в приглашении это не прозвучало, так только по моей оплошности. Мы – Клуб убийств по четвергам.

У Элизабет от красного вина стеклянно блестят глаза; Рон почесывает татуировку «Вест Хэм» на шее, а Ибрагим полирует и без того блестящую запонку.

Ресторан понемногу заполняется, и Донна – не первая из посетителей Куперсчейза – думает, что это не худшее место для жизни. Она убить готова за стаканчик вина и свободный день.

– А еще я каждый день плаваю, – заключает Ибрагим. – Чтобы сохранить упругость кожи.

Куда она попала?

Глава 3

Если вы когда-нибудь надумаете выехать из Файрхэвена по А21 в сердце кентского Уилда, вам попадетсся на дороге старая телефонная будка, до сих пор работающая, – на крутом повороте налево. Поезжайте еще ярдов сто до знака: «Уайтчерч, Эббот-Хатч и Лентс-Хилл», а за ним поверните направо. Проедете через Лентс-Хилл мимо «Голубого дракона» и маленького магазина фермерских

продуктов с большим яйцом перед входом и попадете к каменному мостику через Робертсмер. Робертсмер числится рекой, но не дайте сбить себя с толку и не надейтесь увидеть что-то величественное.

Сразу за мостом съезд на однополосную дорогу. Вам покажется, будто она ведет не в ту сторону, но так быстрее, чем по маршруту из официальной брошюры, да и живописнее, если вы любите живые изгороди с гибискусом. Под конец дорога расширяется, и сквозь высокие деревья на склоне холма можно увидеть признаки жизни. Впереди показывается крошечная деревянная автостанция, она тоже работает, если один автобус в день туда и обратно считать работой. Перед самой автобусной остановкой слева вы увидите указатель на въезд в Куперсчейз.

Строить Куперсчейз начали лет десять назад, когда католическая церковь продала эту землю. Первый жилец, а именно Рон, въехал тремя годами позже. Реклама говорила о «первом в Британии люкс-поселке для пенсионеров», хотя Ибрагим, а он проверял, говорит, что это седьмой. Сейчас в поселке около трехсот проживающих. Сюда нельзя въехать, пока вам не исполнилось шестидесяти пяти, и каждый день, проезжая по решетке от скота, доставочный фургон «Вайтроз» позвякивает винными бутылками и лекарственными пузырьками.

Господствующую над Куперсчейзом высоту занимает старинный монастырь, от которого спиралью расходятся улицы новой застройки. Сто с лишним лет здание монастыря полнилось тишиной, сухим шелестом монашеских ряс и спокойной уверенностью в молитвах, которые непременно будут услышаны. В его темных коридорах мелькали женщины, искавшие безмятежного покоя, женщины, напуганные набирающим скорость миром, женщины в поисках убежища и даже женщины, с радостью служившие высшей цели. Вы нашли бы в нем ряды узких кроватей в дортуарах, длинные столы в трапезной, часовню, такую темную и тихую, что можно поклясться: в ней слышно было дыхание Бога. Короче, вы нашли бы там сестринскую обитель Святой Церкви, армию, которая не оставит в беде, накормит, оденет и всегда будет в вас нуждаться и вами дорожить. Взамен требовалось всего лишь посвятить жизнь Богу, и желающие всегда находились. А потом наступал день, когда вы отправлялись в короткое путешествие вниз по холму, сквозь тоннель между деревьями в Сад вечного покоя – его чугунные ворота и низкая каменная стена смотрели на монастырь и бесконечную красоту холмов кентского Уилда, тело снова получало отдельную постель под простым каменным надгробием рядом с сестрами Маргарет и

сестрами Мэри из прошлых поколений. Если у вас были мечты, они оставались витать над зелеными холмами, а если были тайны, они навсегда оставались схоронены в надежных четырех стенах монастыря.

Нет, точнее сказать, в трех стенах, поскольку западную теперь снесли подчистую, освобождая место плавательному комплексу для проживающих. Он стоит над лужайкой для боулинга и тянется к гостевой парковке, въезд на которую ограничен такими строгими правилами, что парковочный комитет Куперсчейза представляется высшим советом заговорщиков.

Кроме плавательного бассейна в комплекс входит небольшой «бассейн для терапии артрита», очень похожий на джакузи, в основном потому, что это джакузи и есть. Владелец, Ян Вентам, проводя экскурсию, непременно покажет посетителю сауну. Он всегда приоткрывает дверь на малую щелочку и произносит: «Надо же, никак здесь у нас сауна?» Ян – он такой.

Теперь поднимемся на лифте в рекреации. Тренажерный зал и студия, где проживающие могут весело отплясывать зумбу среди призраков монашеских коек. Еще есть Мозаичная комната для тихих игр и занятий. Есть библиотека и зал для более многочисленных и шумных собраний – или для просмотра футбола по телевизору с плоским экраном. Потом мы снова спустимся на первый этаж, где длинные низкие столы монастырской трапезной принадлежат теперь «первоклассному современному ресторану».

В самом центре поселка сохранилась старая часовня, примыкающая к монастырю. Светлая кремовая штукатурка придает ей почти средиземноморский вид на фоне темной и суровой готики монастыря. Часовню не трогали и ничего в ней не меняли – одно из немногих условий, на котором настояла монастырская община, выставляя землю на продажу десять лет назад. Проживающие с удовольствием пользуются часовней. Здесь до сих пор обитают призраки, шуршат рясы и слышен шепот камней. Здесь чувствуешь себя частью чего-то неторопливого и благородного. Ян Вентам выискивает в контрактах слабое место, которое позволило бы ему превратить часовню в восемь новых квартир.

С другой стороны к монастырю примыкает то, что и стало причиной его основания, – «Ивы». Теперь «Ивы» – поселковый хоспис. Он основан сестрами в 1841-м как бесплатный приют для больных и сломленных жизнью, которым больше некуда было податься. В конце прошлого века он стал домом сестринского ухода и оставался им, пока принятые в восьмидесятых законы не

вынудили его закрыть двери. Тогда монастырь превратился просто в зал ожидания, и в 2005-м, после кончины последней монахини, церковь без проволочек обратила его в деньги, продав под застройку.

Участок занимает двенадцать акров лесистой местности и красивого открытого склона холма. На нем два озерца, природное и созданное работающим на Вентама владельцем строительной конторы Тони Карраном с его рабочими. Множество гусей и уток, тоже считающих Куперсчейз своим домом, явно предпочитают искусственное. На самой вершине холма, за краем леса, еще стоит овечья ферма, а на лугу у озера пасутся двадцать лам. Ян Вентам завез двух, решив, что они будут оригинально смотреться в рекламных проспектах, а дальше, как водится, дело пошло само собой.

Вот, если в двух словах, куда попала Донна.

Глава 4. Джойс

Я начинала вести дневник много лет назад, но сейчас, пролистав, сомневаюсь, что он вас заинтересует. Разве что вам интересна жизнь в Хэйуордз-Хит в семидесятых, а это, думаю, вряд ли. Ничем не хочу обидеть Хэйуордз-Хит семидесятых, я любила и место, и время.

Но пару дней назад, познакомившись с Элизабет, я попала на первое свое собрание Клуба убийств по четвергам и решила, что об этом было бы интересно рассказать. Как тот дневник про Холмса и Ватсона – кто там его написал? Людям, что бы они ни говорили вслух, нравятся убийства, так что я попробую.

Я уже знала, что Клуб – это Элизабет, Ибрагим Ариф, который живет в Вордсворте – это где круговой балкон, – и Рон Ричи. Да, тот самый Рон Ричи. Это само по себе волновало. Теперь я познакомилась с ним получше, и блеск немножко поистерся, но все равно.

Была еще Пенни Грей, но она теперь в «Ивах», это хоспис. Если подумать, я клубу как раз подходила. Образовалась вакансия, и я стала новой Пенни.

Но тогда я, конечно, волновалась. Я это помню. Я взяла с собой бутылочку неплохого вина (за восемь фунтов девяносто девять пенсов, чтоб вы представляли) и, когда вошла, застала всех уже на месте, в Мозаичной. Они раскладывали на столе фотографии.

Элизабет организовала Клуб убийств по четвергам вдвоем с Пенни. Пенни много лет служила в полиции Кента инспектором и привезла с собой нераскрытые дела об убийствах. Ей вообще-то не полагалось иметь у себя эти дела, но кто мог узнать? Начиная с определенного возраста можно делать почти что хочешь. Никто тебе не запретит, кроме твоего врача и твоих детей.

Рассказывать о том, чем зарабатывала на жизнь Элизабет, мне не разрешается, хотя она сама иногда проговаривается. Скажу только, что убийства, расследования и много чего еще для нее не внове.

Элизабет с Пенни перебирали каждое дело строчка за строчкой, изучали все фотографии, перечитывали показания свидетелей – искали, чего недостает. Им не нравилась мысль, что виновные преспокойно продолжают заниматься своими делами. Сидят в садике, разгадывают sudoku и знают, что убийство сошло им с рук.

И еще, думаю, Пенни с Элизабет это занятие просто нравилось. Стаканчик-другой вина и тайна. Вполне светское времяпрепровождение, и в то же время жутковатое. Отличное развлечение.

Они собирались по четвергам (отсюда и название), потому что в Мозаичной было двухчасовое окно между «Историей искусств» и «Разговорным французским». Записались они – и до сих пор пишутся – как «Японская опера: обсуждение», и это гарантирует, что их никто не побеспокоит.

Им обоим по разным причинам многие задолжали услугу, им всегда было кому позвонить, чтобы поболтать по-дружески. Судебно-медицинские эксперты, бухгалтеры, судьи, лесопатологи, конезаводчики, стеклодувы – кто только не побывал в Мозаичной комнате. Все, кого Элизабет с Пенни сочли полезным для решения какого-то вопроса.

К ним вскоре присоединился Ибрагим. Он часто играл с Пенни в бридж и раз или два помог им по мелочам. Он психиатр. Или был психиатром. Или все-таки

остался. Не знаю точно. На первый взгляд ничего такого не заметно, но когда его узнаешь, то похоже. Я на терапию никогда не ходила, потому что кому оно надо – распутывать этот клубок? Предпочту не рисковать, спасибо. У моей дочки, Джоанны, есть психотерапевт, хотя посмотрев, какой величины у нее дом, трудно не спросить, зачем ей это. Так или иначе, в бридж Ибрагим больше не играет, и, по-моему, это досадно.

Рон сам напросился, что вас, конечно, не удивит. Он ни на минуту не купился на «японскую оперу» и однажды в четверг заявился в Мозаичную разузнать, что там творится. Элизабет, которая ценит подозрительность превыше всего, тут же пригласила его полистать дело о вожатом скаутов, которого нашли сгоревшим в лесу у самой обочины А27. Она сразу распознала сильную сторону Рона – а именно, что он никогда и никому не верит на слово. Сейчас Элизабет говорит, что чтение полицейских отчетов с точки зрения того, что полиция вам лжет, – удивительно эффективный подход.

Комната, кстати, называется Мозаичной, потому что там на большом, слегка наклонном столе собирают большие мозаики. Когда я впервые туда пришла, это был вид Уитстаблской гавани на 2000 фрагментов, и недоставало только кусочка неба. Я однажды съездила в Уитстабл, всего на один день, но не очень поняла, из-за чего столько шума. После того как попробуешь устриц, там в магазинах и посмотреть-то нечего.

Так или иначе, Ибрагим накрыл мозаику куском толстого оргстекла, и на нем Элизабет с Роном разложили сделанные экспертами фотографии бедной девушки. Той, что, по мнению Элизабет, была убита своим дружкой. Этот дружок был озлоблен, потому что вернулся из армии инвалидом, но причина всегда найдется, правда? У каждого за спиной есть грустная история, но не все же мы убиваем людей.

Элизабет попросила меня закрыть за собой дверь и подойти посмотреть снимки.

Ибрагим представился, пожал мне руку и предложил печенья. Он объяснил, что в коробке два слоя, но они хотят прикончить первый, прежде чем взяться за нижний. Я сказала, что тут он проповедует перед обращенной.

Рон взял мою бутылку и поставил рядом с печеньем. Покивал, рассмотрев этикетку, и заметил, что это белое. А потом поцеловал меня в щеку, что

заставило меня задуматься.

Я понимаю, вы можете считать, что в поцелуе в щеку нет ничего такого, но для мужчины за семьдесят это не так. В щеку нас целуют разве что зятья и прочие родственники. Так что я сразу решила, что Рон из расторопных.

Про то, что в поселке проживает знаменитый профсоюзный лидер Рон Ричи, я узнала, когда они с мужем Пенни, Джоном, взялись лечить раненого лиса и назвали его Скаргилл[4 - Артур Скаргилл - британский профсоюзный активист, президент Национального союза шахтеров с 1982 по 2002 год, известен радикальными взглядами.]. Об этом, когда я только въехала, писали в нашей местной газете. Учитывая, что Джон - бывший ветеринар, а Рон - это... скажем так, Рон, я подозреваю, что лечил Джон, а Рон только имя подобрал.

Газета, кстати, называется «Куперсчейз без купюр» - ради каламбура.

Мы все столпились перед фотографиями. Бедняжка, от такой раны она никак не должна была умереть, даже в те времена. Ее парень сбежал из полицейской машины, когда Пенни везла его на допрос, и с тех пор его не видели. Он и Пенни ударил. Удивляться не приходится. Кто способен ударить одну женщину, ударит и другую.

По-моему, даже если бы он не сбежал, все равно выкрутился бы. Я знаю, о таком и до сих пор приходится читать, а в те времена было еще хуже.

Клуб убийств по четвергам не рассчитывал совершить чудо и доставить парня на суд: думаю, все понимали, что Пенни с Элизабет могут в свое удовольствие разгадывать повисшие дела, но дальше того им ничего не светит.

Пожалуй, можно сказать, что Пенни с Элизабет ни разу не добились своего. Все убийцы оставались безнаказанными, все и сейчас сидят где-то, слушают прогноз погоды на море. Преступление сошло им с рук - как и, боюсь, многим другим. С возрастом начинаешь постепенно с этим примиряться.

Но вообще-то я что-то расфилософствовалась, а это пустое дело.

В прошлый четверг мы впервые собрались вчетвером: Элизабет, Ибрагим, Рон и я. И, должна сказать, получилось очень естественно. Я будто заняла пустовавшее место в их мозаике.

Я пока оторвусь от дневника. Завтра в поселке большое собрание. Я в таких случаях помогаю расставлять стулья. Предлагаю помощь, потому что: а) при этом я выгляжу полезной, б) первой добираюсь до угощения.

На собрании будут обсуждать новую застройку Куперсчейза. К нам приедет с докладом главный начальник, Ян Вентам. Я стараюсь писать по возможности честно, а потому, надеюсь, вы простите, если я скажу, что он мне не нравится. В нем есть все дурные наклонности, которые только могут развиться в человеке, если его предоставить самому себе.

Новая застройка вызвала большой переполох, потому что они собираются вырубить деревья и перенести кладбище, и еще ходят слухи о ветряных турбинах. Рон ждет не дождется случая поднять бучу, а мне не терпится посмотреть, как он это устроит.

Впредь обещаю писать что-нибудь каждый день. Держу пальцы крестиком, чтобы что-нибудь случилось.

Глава 5

В Танбридж-веллс у «Вайтроз» есть кафе. Ян Вентам паркует свой «лендровер» на последнем свободном месте для инвалидов – не потому, что он инвалид, а потому, что так ближе к двери.

Зайдя, он находит взглядом сидящего у окна Богдана. Ян должен Богдану 4000 фунтов. Он немного затянул с выплатой в надежде, что Богдана вышвырнут из страны, но пока не дождался такого счастья. Так или иначе, для него теперь есть серьезная работа, так что все к лучшему. Ян машет поляку рукой и проходит к стойке. Пробегает глазами написанное мелом меню, высматривая кофе.

– У вас весь кофе от этичной торговли?

– Да, весь, – улыбается девушка за прилавком.

– Жаль, – говорит Ян. Ему жалко переплачивать пятнадцать пенсов на помощь каким-то незнакомым людям из страны, где он никогда не бывал и не собирается бывать. – Чашку чая, пожалуйста. С миндальным молоком.

Богдан сегодня у Яна не главная забота. Если придется в конце концов расплатиться, так тому и быть. Главная забота у Яна – что Тони Карран его убьет.

Ян относит свой чай к столику, попутно высматривая людей старше шестидесяти. За шестьдесят – и хватает денег на «Вайтроз»? Погодим лет десять, думает он. И жалеет, что не захватил рекламные брошюры.

С Тони Карраном Ян разберется в свое время и на своем месте, а пока разбирается с Богданом. Хорошо уже то, что Богдан не собирается его убивать. Ян садится.

– Так что насчет двух кусков, Богдан? – спрашивает он.

Богдан пьет из пронесенной контрабандой двухлитровой бутылки «Лилта».

– Четыре тысячи. Это совсем дешево за замену плитки в бассейне. Не знаю, вы понимаете?

– Дешево, если за хорошую работу, Богдан, – возражает Ян. – Цемент не того цвета. Я заказывал «белый коралл».

Ян достает телефон, прокручивает до фото с новым бассейном и предъявляет Богдану.

– Нет, тут фильтр. Давайте уберем фильтр. – Богдан нажимает кнопку, и изображение мгновенно светлеет. – «Белый коралл». Вы знаете.

Ян кивает. Все равно попробовать стоило. Но иногда понимаешь, что придется платить.

Ян достает из кармана конверт.

- Хорошо, Богдан, по-честному так по-честному. Три куска. Годится?

Богдан устало смотрит на него.

- Три куска, конечно.

Ян отдает деньги.

- На самом деле тут две восемьсот, но какие счета между друзьями? Так вот, у меня к тебе вопрос.

- Конечно, - отвечает Богдан, пряча конверт.

- Ты вроде как толковый парень, Богдан?

Богдан пожимает плечами.

- Ну, я свободно владею польским.

- Если я прошу тебя что-то сделать, ты делаешь, и делаешь хорошо и довольно дешево, - говорит Ян.

- Спасибо, - говорит Богдан.

- Вот я и подумал. Ты готов к делу покрупнее, как думаешь?

- Конечно, - говорит Богдан.

- А намного крупнее?

– Конечно, – говорит Богдан. – Большое все равно что маленькое, его просто больше.

– Умница. – Ян допивает чай. – Я собираюсь уволить Тони Каррана. И мне понадобится человек на его место. Как тебе это?

Богдан тихонько присвистывает.

– Крупновато для тебя? – спрашивает Ян.

Богдан качает головой.

– Нет, нормально, я справлюсь. Просто подумал, если вы уволите Тони, он может вас убить.

Ян кивает.

– Знаю. Но об этом предоставь волноваться мне. А работа с завтрашнего дня твоя.

– Если будете живы, конечно, – говорит Богдан.

Пора идти. Ян трясет Богдану руку, а мысленно уже прикидывает, как сообщить Тони неприятное известие.

Завтра в Куперсчейзе обсуждение проекта, он обязан выслушать, что скажет это старичье. Вежливо кивать, не забыть галстук, называть каждого по имени. Люди на такое ведутся. Он пригласил и Тони, чтобы уволить прямо после собрания. На виду, при свидетелях.

Десять процентов вероятности, что Тони прикончит его на месте. Но раз так, значит, девяносто процентов, что не прикончит, а учитывая, сколько денег это сулит Яну, такой расклад его устраивает. Риск окупится.

На улице Ян слышит гудок и видит, как женщина на инвалидном скутере яростно тычет тростью в его «лендровер».

«Я первый занял, милочка», – говорит про себя Ян, садясь в машину. Что только у некоторых в голове?

За рулем Ян слушает мотивирующую аудиокнигу под названием: «Убей, чтобы выжить: как использовать уроки войны в совете директоров». Автор вроде как служил в израильском спецназе, а Яну книгу присоветовал личный тренер в Танбридж-веллском оздоровительном клубе. Ян не уверен, израильтянин ли сам тренер, но на вид откуда-то из тех мест.

Полуденное солнце тщетно пытается пробиться сквозь противозаконно тонированные стекла «лендровера», а Ян снова задумывается о Тони Карране. Много лет они очень неплохо ладили – Ян и Тони. Ян покупал обветшалые дома – большие дома, Тони потрошил их, разбивал на квартиры, приделывал въезды для колясок и перила, после чего они переходили к следующему. Строительство домов престарелых процветало, Ян сделал на них состояние. Что-то он оставлял себе, что-то продавал и прикупал еще.

Ян достает из автомобильного холодильника смузи. Холодильник не входит в стандартную комплектацию. Его установил механик в Фавершаме, тот же, что выкладывал бардачок золотом. Ян всегда пьет этот смузи. Щепотка малины, горсть шпината, исландский йогурт (если исландского нет, финский), спирулина, пророщенная пшеница, порошок ацеролы, хлорелла, ламинария, экстракт асаи, ядра какао, цинк, свекольная эссенция, семена чиа, цедра манго и имбирь. Состав собственного изобретения. Вентам назвал его «Ничего лишнего».

Он смотрит на часы. До Куперсчейза десять минут. Покончить с обсуждением, потом выложить Тони новость. С утра он гуглил «защиту от ножевых ранений», но никто не предлагал доставки жилета в тот же день. Заказать на «Амазоне»? Его примут за гангстера.

Впрочем, он уверен, что все обойдется. И просто прекрасно, что Богдан под рукой. Примет работу, все пройдет без сучка без задоринки. И дешевле будет, конечно. В том-то и смысл.

Ян давным-давно смекнул: чтобы делать настоящие деньги, надо вести бизнес на высшем уровне. Хуже всего бывало, когда умирал кто-то из клиентов. Хлопоты с администрацией, комнаты простаивают, пока не найдется новый клиент, и, хуже всего, приходится иметь дело с родственниками. Так вот, чем

богаче клиент, тем в целом дольше он проживет. К тому же богатых обычно реже навещает родня, проживающая где-нибудь в Лондоне, Нью-Йорке или Сантьяго. И Ян лез вверх, он преобразовал компанию: из дома престарелых «Осенний закат» в «Дом для самостоятельных и независимых», покупал реже, но по-крупному. Тони Карран ни разу и глазом не моргнул. Если Тони чего не знал, то быстро учился, его не смущали ни душевые, ни замки, которые должны открываться электронной карточкой, ни площадки для барбекю. Право, жаль будет его терять, но так уж сложилось.

Ян оставляет по правую руку деревянную будку автостанции и сворачивает к Куперсчейзу. Он, как часто бывало, проезжает через ворота вслед за фургоном доставки и дальше всю дорогу держится за ним. Поглядывая по сторонам, Ян качает головой. Сколько же лам развелось! Век живи – век учись.

Поставив машину, он проверяет, в порядке ли парковочный талон: на левой стороне ветрового стекла, так, чтобы ясно видны были номер и срок действия. За много лет Яну не раз доводилось сцепляться с самыми разными властями, но только два ведомства могли выбить его из колеи: русская таможенная служба и парковочный комитет Куперсчейза. Хотя дело того стоит. Он и раньше делал неплохие деньги, но Куперсчейз совсем из другой лиги. И Яну, и Тони это известно. Целый водопад денег. Отсюда, конечно, и нынешние проблемы.

Куперсчейз. Двенадцать акров прекрасной сельской местности и разрешение на постройку до четырехсот квартир для престарелых. Участок свободен, не считая пустого монастыря и чьих-то овечек на холме. Несколько лет назад старый приятель Яна купил землю у священника, а потом этому приятелю срочно понадобились наличные на ведение возникшего по недоразумению процесса об экстрадиции. Ян посчитал и понял, что прыгать стоит. Но Тони тоже кое-что подсчитал и тоже решил прыгать. Вот почему в руках Тони сейчас двадцать пять процентов построенного в Куперсчейзе. Яну пришлось согласиться на такие условия, потому что Тони всегда был ему верен, и еще потому, что Тони не скрывал, что за отказ переломает Яну обе руки. Ян уже видел, как Тони ломает людям руки, и вот они с ним партнеры.

Хотя это уже ненадолго. Не мог же Тони не понимать, что это не навсегда? Честное слово, строить квартиры класса люкс может каждый: разденься до пояса, слушай Magic FM, копай ямы под фундаменты да ори на каменщиков. Тони пора узнать, сколько он стоит, тем более что на подходе новая стадия застройки.

Ян Вентам воспрянул духом. Убей, чтобы выжить!

Он вылезает из машины и моргает от яркого солнца, чувствуя во рту привкус свекольной эссенции – главного препятствия, не позволившего сделать «Ничего лишнего» коммерческим продуктом. Можно было исключить свекольную эссенцию, но она нужна для здоровья поджелудочной.

Надеть солнечные очки. И за дело. Ян сегодня не собирается умирать.

Глава 6

Рон Ричи никогда не отличался кротостью и сейчас терпеть не намерен. Он привычно тычет пальцем в копию договора. Он знает, что это хорошо смотрится – это всегда хорошо смотрится, только вот палец дрожит и договор дрожит. Чтобы скрыть дрожь, Рон размахивает договором. А вот голос у него сохранил прежнюю силу.

– Вот, цитирую! Это ваши слова, мистер Вентам, а не мои. «Холдинг “Куперсчейзинвестмент” оставляет за собой право на дальнейшее развитие участка после обсуждения с проживающими».

Крупная фигура Рона напоминает, что когда-то он был очень сильным мужчиной. Рама еще цела, но тупоносый грузовик ржавеет в поле. Его круглое открытое лицо готово по первому требованию изобразить возмущение, или недоверие, или что там еще требуется изобразить. Все, что нужно для дела.

– Все правильно, – как ребенку объясняет ему Ян Вентам. – Здесь как раз имеет место обсуждение. Вы – проживающие. Обсуждайте сколько хотите, у вас еще двадцать минут.

Вентам сидит за складным столиком перед собравшимися в гостиной. Здоровый загар, расслабленность и темные очки, сдвинутые на прическу из каталога моделей 1980-х. На нем дорогая рубашка поло, на руке часы, величиной не слишком уступающие настенным. На вид кажется, что и пахнет он прекрасно, но не стоит подходить слишком близко, чтобы проверить.

По сторонам от Вентама женщина лет на пятнадцать моложе него и мужчина в жилете, открывающем татуированные руки – он листает что-то в телефоне. Женщина – архитектор проекта развития, татуированный мужчина – Тони Карран. Рон не раз видел Каррана, да и наслышан о нем. Ибрагим записывает каждое слово, а Рон упрямо тычет пальцем в сторону Вентама.

– Меня так просто не проведешь, Вентам. Это не обсуждение, а засада.

Джойс решается вставить свое слово.

– Скажи ему, Рон!

Рон и сам знает, что делать.

– Спасибо, Джойс. У вас это называется «Лесной поселок», а деревья-то вы вырубаете подчистую. Круто, сынок. На компьютере картинка залюбуешься, все чистенько, солнышко светит, облачка пушистые, в пруду уточки плавают. Компьютер тебе что хочешь нарисует, сынок, а нам нужна настоящая масштабная модель. С деревьями и человечками.

Он срывает аплодисменты. Здесь многим хотелось бы увидеть масштабную модель, но Ян Вентам уверяет, что так теперь не делают. Рон продолжает.

– И вы нарочно взяли архитектором женщину, чтобы мне нельзя было орать.

– Тем не менее ты орешь, Рон, – отмечает Элизабет, сидящая двумя рядами дальше с газетой в руках.

– Это я еще не ору, Элизабет! – орет Рон. – Когда заору, чувак это заметит. Ты на него посмотри – вырядился как Тони Блэр. Не хочешь заодно и Ирак разбомбить, а, Вентам?

Хорошая реплика, думает Рон, пока Ибрагим добросовестно записывает его слова для протокола.

В те времена, когда о нем писали в газетах, он звался «Красный Рон», хотя тогда все были немножко «красные». Его газетные снимки редко обходились без заголовка: «Вчерашние переговоры сторон сорваны». Рон – ветеран пикетов и отсидок в полицейских участках, войн со штрейкбрехерами, черных списков и скандалов, сидячих и итальянских забастовок, манифестаций и маршей. Рон грел руки над жаровнями вместе с ребятами из «Бритиш Лейленд». Рон своими глазами видел разгром докеров. Рон пикетировал «Ваппинг» и был свидетелем победы Руперта Мердока и поражения печатников. Рон вывел кентских шахтеров на шоссе А1 и попал под арест в Оргриве, когда было окончательно сломлено сопротивление угольной промышленности. На его месте не столь несокрушимый человек решил бы, что приносит неудачу. Но такова участь угнетенных, а Рон обожал быть угнетенным. Случись ему очутиться в ситуации, где его не угнетали, он выкручивался и выворачивал ситуацию наизнанку, пока не внушал всем вокруг, что угнетен.

Однако слова у Рона никогда не расходились с делом. Он всегда готов был без лишних разговоров помочь людям, которым требовалась помощь: пара лишних монет к Рождеству, жилье или адвокат для суда. Каждому, кто нуждался в защите, Рон всегда протягивал свою надежную татуированную руку.

Татуировки теперь вылиняли, рука дрожала, но боевой дух не угас.

– Сам знаешь, куда можешь засунуть свой договор, Вентам, или тебе сказать?

– Не стесняйтесь, просветите меня, – говорит Ян Вентам.

Рон начинает что-то о Дэвиде Кэмероне и референдуме ЕС, но теряет нить мысли. Ибрагим трогает его за локоть. Рон, кивнув, как человек, который свое дело сделал, садится на место, оглушительно хрустя коленными суставами.

Он счастлив. И дрожь в руках, между прочим, прошла хоть ненадолго. Снова в бой! С этим ничто не сравнится.

Отец Мэттью Макки незаметно пробирается в зал, где рослый старик в футболке «Вест Хэм» орет на Тони Блэра. Как он и надеялся, недовольных собралось много. Это удачно, побольше будет возражений против застройки «Лесного поселка». В поезде от Бексхилла не было буфета, поэтому отец Мэттью с радостью замечает приготовленные печенья.

Он незаметно прихватывает горстку и устраивается на голубом пластмассовом стуле в заднем ряду. Мужчина в обтягивающей футболке с футбольной эмблемой уже выпустил пар и сел, но теперь поднимают руки другие. Хочется верить, что он напрасно приехал, но лучше перестраховаться, чем потом жалеть. Отец Макки сам знает, что нервничает. Он поправляет высокий воротничок, оглаживает ладонью копну своих белоснежных волос и лезет в карман за хлебной палочкой. Если о кладбище никто не спросит, наверное, придется ему. Главное – не трусить. Помнить о деле.

Как странно ему в этой комнате. Макки пробирает дрожь. Может быть, просто от холода.

Глава 8

После обсуждения Рон сидит с Джойс у лужайки для боулинга, бутылочки с холодным пивом поблескивают на солнце. Сейчас Рона отвлек отставной однорукий ювелир из Рёскин-корта по имени Дэннис Эдмондс.

Дэннис, с которым Рон прежде никогда не разговаривал, желает поздравить Рона со столь выдающимся выступлением на собрании.

– Заставил задуматься, Рон, заставил задуматься. Тут есть о чем поразмыслить.

Рон благодарит Дэнниса на добром слове и ждет неизбежного. Без этого никогда не обходится.

– А это, должно быть, ваш сын, – говорит Дэннис, поворачиваясь к Джейсону Ричи, который тоже вертит в руках кружку пива. – Чемпион!

Джейсон улыбается и кивает – он всегда вежлив. Дэннис протягивает ему руку.

– Дэннис. Друг вашего папы.

Джейсон пожимает ему руку.

– Джейсон. Очень приятно, Дэннис.

Дэннис еще чуточку медлит в ожидании, что Джейсон втянется в разговор, а потом с энтузиазмом кивает.

– Ну, приятно было познакомиться. Я ваш болельщик, все бои видел. Надеюсь, мы скоро увидим вас снова?

Джейсон опять вежливо кивает, и Дэннис ковыляет прочь, забыв хотя бы для виду попрощаться с Роном. Отец и сын, давно привыкшие к таким эпизодам, возвращаются к разговору с Джойс.

– Да, это называется «Славная родословная», – говорит Джейсон. – Изучают историю семьи и хотят повозить меня по разным местам, поговорить немножко, понимаете ли, о семейной истории. Бабушка-проститутка и все такое.

– Этого я не смотрел, – говорит Рон. – Кто снимает, Би-би-си?

– Это ITV, действительно хорошая программа, Рон, – поправляет Джойс. – Я недавно смотрела один выпуск – вы его видели, Джейсон, тот, что с актером? Играет врача в «Холби-сити», но я его видела только в «Пуаро».

– Этого не смотрел, Джойс, – говорит Джейсон.

– Очень интересно. Оказалось, что его дед убил любовника. Еще и гей! Надо было видеть его лицо. О, обязательно соглашайтесь, Джейсон! – Джойс хлопает в ладоши. – Вообразите, вдруг у Рона был дедушка-гей. Хотела бы я это видеть!

Джейсон кивает.

- Они и с тобой хотят побеседовать, пап. На камеру. Спрашивали, справишься ли ты, а я им сказал: «Удачи, попробуйте-ка его заткнуть!»

Рон смеется.

- Но ты ведь еще и за «Танцы на льду со знаменитостями» взялся?

- Мне подумалось, это будет забавно.

- О, мне тоже так кажется, - говорит Джойс, допивая пиво, и тянется за новой бутылочкой.

- Сколько у тебя дел сразу, сын, - замечает Рон. - Джойс говорит, что видела тебя в «Шеф-поваре».

- Верно, - пожимает плечами Джейсон. - Лучше бы я, пап, снова взялся за бокс.

- Не верится мне, Джейсон, что вы до того ни разу не варили макарон, - вставляет Джойс.

Рон, отхлебнув пива, отводит влево руку с бутылкой.

- Вон у того BMW - не смотри пока, Джес - Вентам, я тебе о нем говорил. Я ему врезал, да, Джойс?

- Он прямо не знал, куда деваться, - соглашается Джойс.

Джейсон, откинувшись назад, будто потягивается, украдкой косится влево, и Джойс тоже передвигает свой стул, чтобы лучше видеть.

- Да уж, как это тонко, Джойс, - бурчит Рон. - С ним Карран, Джейсон, это строитель. Не сталкивался с ним в городе?

- Раз-другой, - отвечает Джейсон.

Рон снова смотрит туда. Похоже, между мужчинами идет напряженный разговор. Говорят быстро и тихо, жесты агрессивные и обороняющиеся, но оба держат себя в руках.

- Чего-то они не поделили, а? – говорит Рон.

Джейсон, попивая пиво, снова бросает взгляд на тот конец парковки, где стоят мужчины.

- Точь-в-точь парочка на свидании: делают вид, будто и не думали ссориться, – отмечает Джойс. – В пиццерии.

- В яблочко, Джойс, – соглашается Джейсон, снова поворачиваясь к отцу и допивая пиво.

- Как насчет снукера после обеда, сын? – спрашивает Рон. – Или опять бежишь?

- Я бы рад, пап, но у меня одно дельце.

- Может, я сумею помочь?

Джейсон качает головой.

- Скучное дело и не надолго. – Он встает, потягивается. – Тебе сегодня никакие журналисты не звонили?

- А должны были? – удивляется Рон. – Что-то случилось?

- Нет, но ты же знаешь журналистов. Так не звонили, не писали, ничего такого?

- Прислали каталог напольных ванн, – отвечает Рон. – Не хочешь объяснить, что за вопросы?

- Ты меня знаешь, пап, им всегда что-то надо.

- Как это увлекательно! – говорит Джойс.

– Оставляю вас вдвоем, – прощается Джейсон. – Смотрите, чур не напиваться и не разносить заведение.

Джейсон уходит. Джойс жмурится, подставив лицо солнцу.

– Правда, чудесно, Рон. Я и не знала, что люблю пиво. Представь, если бы я умерла семидесятилетней. Так и не узнала бы.

– Выпьем за это, Джойс, – говорит Рон и пьет до дна. – Как по-твоему, что это с Джейсоном?

– Может, женщина? – предполагает Джойс. – Сами знаете, мы такие.

– Да, – кивает Рон. – Может быть.

Он смотрит на скрывающегося вдалеке сына. Он обеспокоен. Впрочем, не было дня, когда Рон не волновался бы за Джейсона, все равно, на ринге тот или нет.

Глава 9

Обсуждение прошло отменно. «Лесной поселок» Вентама больше не заботит, с ним решено. Тот крикун на собрании? Ян и раньше таких встречал. Пусть себе надувает щеки. А в последнем ряду Ян заметил священника. С чего бы вдруг? Насчет кладбища, надо полагать, но это их не касается, все разрешения получены. Пусть-ка попробуют помешать.

А уволенный Тони Карран... Ну, он не обрадовался, но и не убил ведь. Тоже победа.

Итак, в мыслях Ян Вентам уже двинулся дальше. После «Лесного поселка» настанет следующая, окончательная стадия застройки. «На вершине». Проехав пять минут по разбитому проселку от Куперсчейза, он сидит в кухне деревенского дома с Карен Плейфейр. Ее отцу Гордону принадлежит ферма на вершине холма над Куперсчейзом, и продавать ее старик не настроен. Ничего,

у Яна найдутся способы.

- Боюсь, все по-прежнему, Ян, - говорит Карен Плейфейр. - Папа не хочет продавать, и мне его не заставить.

- Слышу, - кивает Ян. - Еще денег?

- Думаю, нет, - говорит Карен, - и, думаю, ты сам уже понял - по-моему, ты просто ему не нравишься.

Гордон Плейфейр, как увидел Яна, убрался наверх. Ян слышит, как он топает на втором этаже, доказывая, что там ему охота доказать. Кому какое дело? Ян не всем приходится по душе. Он так и не понял почему, но с годами научился с этим жить. Собственно, это не его проблема. Гордон Плейфейр - всего лишь один из длинной вереницы людей, которые с Яном не ладили.

- Послушай, предоставь это мне, - просит Карен. - Я найду способ. Все останутся довольны.

С Карен Плейфейр они ладили. Долго обсуждали, какие деньги она получит, если уболтает папашу. У ее сестры и зятя свой бизнес, органическая ферма в Брайтоне, и с ними Ян уже пытался сговориться - неудачно. Куда лучше ставить на Карен Плейфейр. Она одиноко живет в домике на землях фермы и работает в «ай-ти» - по ней это сразу видно. Красится, но так тонко и незаметно, что Ян, честно говоря, не видит в том смысла.

Ян не прочь бы узнать, давно ли Карен поставила на себе крест и стала носить спортивные кроссовки и длинные мешковатые свитера. И, раз уж работает в «ай-ти», могла бы нагуглить «ботокс». Ей около пятидесяти - ровесница, думает Ян. Но пятьдесят лет для женщины - это совсем другое дело.

Ян завел профиль на множестве сайтов знакомств и везде выставил ограничение - до двадцати пяти. Сайты знакомств ему нужны потому, что в наше время трудно познакомиться с подходящей женщиной. Такой, чтобы понимала, что он человек занятой, работа требует сил и поддерживать отношения ему тяжело. Женщины старше двадцати пяти этого, как правило, не понимают. И что такое с ними происходит? Он пытался представить, зачем бы кому-то встречаться с Карен Плейфейр, но не сумел. Разговоры? Надолго ли их

хватит? Конечно, она скоро будет богата – когда Ян выкупит землю. Ей это не помешает.

«На вершине» и для Яна все изменит. Поселок со временем вдвое перерастет Куперсчейз и принесет Яну вдвое больше прибыли. Причем делиться с Тони Карраном уже не придется. Если для этого надо пару недель пофлиртовать с пятидесятилетней дамочкой, так тому и быть.

Для свиданий Ян припас испытанные, надежные средства. На девиц он производит впечатление фотографиями своего бассейна и старым интервью в номере «Кент сегодня». Карен он тоже показал фото бассейна, ведь никогда не угадаешь, но она только вежливо улыбнулась и покивала. Неудивительно, что такая осталась одиночкой.

Ничего, он и с ней сумеет сделать дело. Она сознает выгоды, она видит препятствия, и разговор с ней заканчивается рукопожатием и планом действий. Пожимая Карен руку, Ян думает, что не померла бы она от капельки крема. Пятьдесят! Такого никому не пожелаешь!

У Яна мелькает мысль, что есть только одна женщина старше двадцати пяти, с которой он проводит сколько-то времени, и та его жена.

Ну, пора идти. Работа не ждет.

Глава 10

Тони Карран решился. Он останавливает свой BMW X7 на нагретой за день дорожке. Под платаном за домом зарыта пушка. Или под липой. Там или там, вспомнить можно будет за чашечкой чая. А заодно сообразить, куда он задевал лопату.

Тони Карран намерен убить Яна Вентама. Это уже решено. Ян сам должен понимать! Сколько можно себе позволять, прежде чем даже у самого спокойного, рассудительного человека лопнет терпение?

Заходя в дом, Тони насвистывает мотивчик из рекламного ролика.

Он въехал в этот дом полтора года назад, получив первый настоящий доход с Куперсчейза. О таком доме он всегда и мечтал. Дом выстроен усердной работой, точным расчетом, умением где надо срезать углы и опорой на собственный талант. Памятник его достижениям, воздвигнутый из стекла, кирпича и мореного ореха.

Справившись с замком, Тони вступает в борьбу с сигнализацией. Установить ее Вентам на прошлой неделе прислал кого-то из своих. Они по большей части поляки, но кто в наше время не поляк? Тони вводит четырехзначный код с третьей попытки. Новый рекорд.

Тони всегда очень серьезно подходил к своей безопасности. Много лет его строительная компания была всего лишь крышей для наркобизнеса. Оправданием доходов. Способом отмыть грязные деньги. Но дело понемногу расширялось, отнимало все больше времени и приносило все больше денег. Скажи кто молодому Тони, что он когда-нибудь будет жить в таком доме, он бы вовсе не удивился. А вот скажи ему кто, что дом будет куплен на законно заработанные деньги, он покатился бы со смеху.

Жены, Дебби, еще нет дома, но сейчас оно и к лучшему. Есть время сосредоточиться, хорошенько все продумать.

Тони возвращается мыслями к ссоре с Яном Вентамом и заново вспыхивает от ярости.

Ян отрезал его от «Лесного поселка»? Вот так запросто? Сказал пару слов и сел в машину. При всех, на случай, если Тони захочется ему врезать. Врезать ему тут же на месте было бы здорово, но так поступил бы прежний Тони. А теперь они тихо и вежливо поругались. Наверняка никто не заметил, и это очень удачно. Когда Яна найдут мертвым, никто не скажет, что видел, как Тони с Яном разругались в пух и прах. Все чисто.

Тони присаживается на барный табурет, подъезжает на нем к кухонному островку и выдвигает ящик. План ему нужен на бумаге.

Тони не полагается на удачу, он полагается на свои руки. Кто не подготовился к делу, тот подготовился к провалу. Тони однажды услышал эту фразу от старого учителя английского и с тех пор никогда не забывал. На следующий год, поспорив с тем учителем о футболе, Тони поджег ему машину, но все равно чувствует себя в долгу перед стариком. Кто не подготовился к делу, тот подготовился к провалу.

В ящике бумаги не обнаруживается, поэтому Тони решает разработать план в уме.

Этой ночью рано. Пусть мир еще немножко подождет, пусть себе птички поют и Вентам считает себя победителем. Вот тогда и надо ударить. И зачем люди только ссорятся с Тони Карраном? Когда и кого это доводило до добра?

Тони на секунду запаздывает обернуться на шум. А когда оборачивается, гаечный ключ уже опускается ему на голову. Большой ключ, тяжелый, старой школы. Уклониться невозможно, и в краткий миг перед ударом Тони понимает. Всех не победишь, Тони. Это справедливо, думает он, это по-честному.

Удар приходится ему в левый висок, и Тони валится на мраморный пол. Птицы в саду смолкают совсем ненадолго и тут же продолжают выводить веселый мотив. С верхушки платана. Или это липа?

Пока кровь Тони Каррана растекается крепостным рвом вокруг орехового кухонного островка, убийца ставит на стол фотографию.

Глава 11

Куперсчейз всегда просыпается рано. Лисы еще не закончили ночной обход и птицы только начинают переключку, а уже свистят первые чайники и загораются за занавесками неяркие лампы. Утро оживает, скрипит суставами.

Здесь никто не хватается кусок на бегу, торопясь на работу утренним поездом, не собирает коробку с завтраком, прежде чем будить детей, но дел и так хватает. В давние годы здесь каждый просыпался рано, потому что дел полно, а часов в

сутках не так уж много. Теперь просыпаются рано, потому что дел все еще полно и не так уж много осталось лет.

Ибрагим всегда встает в шесть. Бассейн открывается не раньше семи – из соображений безопасности. Он убеждал – безуспешно, – что риск утонуть, плавая без присмотра, ничтожен в сравнении с риском смерти от сердечно-сосудистых заболеваний, дыхательной или циркуляторной недостаточности, вызванной недостатком движения. Он даже составил алгоритм, доказывающий, что круглосуточная работа бассейна обеспечит проживающим на тридцать один и семь десятых процента большую безопасность, нежели его закрытие на ночь. Комитет отдыха и досуга остался непоколебим. Ибрагим понимал, что у администрации руки связаны всяческими правилами, и не таил обиды. Алгоритм он заботливо припрятал – вдруг еще пригодится. Дел всегда хватает.

– У меня к тебе дело, Ибрагим, – говорит Элизабет, прихлебывая чай с мятой. – Вернее, работа для вас с Роном, но я назначаю тебя ответственным.

– Очень разумно, с позволения сказать, – кивает Ибрагим.

Элизабет позвонила ему накануне вечером, рассказала про Тони Каррана. Она услышала от Рона, а тот от Джейсона, который услышал от недокументированного пока источника. Найден мертвым у себя на кухне, ушибленная рана головы, обнаружен женой.

Ибрагим обычно проводит этот час, просматривая старые рабочие записи, а иногда и новые. У него еще осталось несколько клиентов, которые, когда прижмет, готовы доехать до Куперсчейза и сесть в потертое кресло под картиной с парусником – то и другое почти сорок лет следовало за Ибрагимом с места на место. Вчера он читал записи по старому клиенту, менеджеру Мидлендского банка в Годаминге, подбиравшему бродячих собак и покончившему с собой на Рождество. Сегодня не будет мне такого счастья, думает Ибрагим. Элизабет явилась с рассветом. Придется ему улучшить время среди обычных дел.

– Тебе просто надо будет солгать офицеру полиции, – говорит Элизабет. – Я могу на тебя положиться?

– На меня ты всегда можешь положиться, Элизабет, – отвечает Ибрагим. – Когда это я тебя подводил?

– Да, Ибрагим, никогда, – соглашается Элизабет. – Потому-то мне и приятно, что ты рядом. И еще ты чай прекрасно завариваешь.

Ибрагим знает, что он человек надежный. Он годами спасал жизни и души. Он хорошо знает свое дело, недаром люди до сих пор едут за много миль, проезжают телефонную будку и фермерский магазин, сворачивают направо за мостом и налево у деревянной автостанции, только бы поговорить с восьмидесятилетним, давно ушедшим в отставку психиатром.

Бывают у него неудачи – у кого в этом мире их не бывает? – отсюда и те записи, которые Ибрагим листает с утра пораньше. О том банковском менеджере, который сидел в потертом кресле, плакал и плакал – и был безнадежен.

Но этим утром у него дела поважнее, он это понимает. Этим утром Клубу убийств по четвергам выпало настоящее дело. Не просто пожелтевшие страницы со слепой печатью прошлого века. Настоящее дело, настоящий труп и где-то – настоящий убийца. Этим утром Ибрагим оказался нужен. Для того он и живет.

Глава 12

Констебль патрульной службы Донна де Фрейтас входит в диспетчерскую с подносом. Убит местный строитель Тони Карран, и, если судить по величине следственной группы, это серьезное преступление. Донна гадает, в чем там дело. Если не спешить раздавать чай, может, и узнает.

Старший инспектор следственного отдела Крис Хадсон обращается к своей группе. Он всегда казался Донне приятным человеком. Однажды открыл перед ней тяжелую дверь и, похоже, не ждал медали за такой подвиг.

– В доме и на участке полно камер. Снимите записи. Тони Карран покинул Куперсчейз в два часа дня, а погиб, судя по его «фитбиту», в три часа тридцать

две минуты. Не так много времени надо проверить.

Донна ставит поднос с чаем на стол, а сама наклоняется завязать шнурок. Здесь упомянули Куперсчейз – это интересно.

– На А24 есть камеры примерно в четырехстах метрах от дома Каррана и полумилей севернее – с них тоже надо снять записи. Временные рамки вам известны. – Крис прерывается и смотрит в сторону присевшей на корточки Донны де Фрейтас.

– Что-то случилось, констебль? – осведомляется он.

Донна выпрямляется.

– Да, сэр, шнурок развязался. Не хотелось бы споткнуться с чаем в руках.

– Весьма разумно, – соглашается Крис. – Спасибо за чай. Мы не будем вас задерживать.

– Спасибо, сэр. – Донна идет к двери.

Она понимает, что Крис – детектив, как-никак, – вероятно заметил, что туфли у нее без шнурков. Однако не станет же он осуждать молодого констебля за капельку здорового любопытства?

Открывая дверь, чтобы выйти, она снова слышит голос Криса.

– Пока собираем все эти сведения, главная улика – фото, оставленное убийцей рядом с телом. Давайте посмотрим.

Донна, не устояв перед искушением, оборачивается и видит проекцию на стене – старое фото: трое мужчин в пабе смеются и выпивают. Стол завален банкнотами. У Донны всего секунда, но одного из мужчин она узнает мгновенно.

Все было бы по-другому, работай Донна в отделе убийств. Совсем по-другому. Не приходилось бы развлекать младших школьников, записывая им номера велосипедов невидимыми чернилами. И вежливо напоминать местным

магазиновладельцам, что переполненные бачки являются нарушением...

– Констебль? – Голос Криса сбивает Донну с мысли. Она отрывает взгляд от фото и переводит на Криса. Тот твердо, хотя и сочувственно, жестом предлагает ей выйти. Донна улыбается ему и кивает:

– Замечталась. Извините, сэр.

Она открывает дверь и выходит навстречу скуке. Пока дверь не совсем закрылась, жадно ловит последние слова.

– Итак, трое, и все нам хорошо известны. Не следует ли перебрать их одного за другим?

Дверь закрылась. Донна вздыхает.

Глава 13. Джойс

Надеюсь, вы мне простите утреннюю запись, потому что убит Тони Карран.

Тони Карран строил этот поселок. Может, даже сам клал кирпич для моего камина? Как знать. В смысле, вряд ли. Для такой работы у него, наверное, кто-то был. Вряд ли он сам штукатурил стены и все такое прочее. Наверное, он просто распоряжался. Но ручаюсь, где-нибудь здесь найдутся отпечатки его пальцев. Просто потрясающе.

Элизабет позвонила мне на ночь глядя. Элизабет никогда не «задыхается от волнения», но, честно говоря, она была к тому близка.

Тони Каррану, подумать только, проломили голову. Неустановленное лицо или лица. Я рассказала, как мы с Роном и Джейсоном подсмотрели ссору Каррана с Яном Вентамом. Она ответила, что уже знает: должно быть, до меня говорила с Роном, – но ей хватило вежливости дослушать, так что я изложила, как мне это увиделось. Спросила, записывает ли она, а она сказала, что запомнит.

Так или иначе, у Элизабет, кажется, есть план. Она сказала, что с утра навестит Ибрагима.

Я спросила, не могу ли чем-то помочь, и она сказала, что могу. Я спросила чем, а она попросила потерпеть, мол, скоро узнаю.

Вот я и сижу и жду указаний. Попозже собиралась на микроавтобусе в Файрхэвен, но мобильный на всякий случай буду держать включенным.

Я теперь из тех, кому нельзя выключать мобильник.

Глава 14

– Итак, кто убийца и как нам его поймать? – спрашивает Элизабет. – Знаю, положено говорить «его или ее», но здесь вероятнее, что «его». Какая женщина станет бить человека тяжелым предметом по голове? Разве что русская.

Дав Ибрагиму список поручений на день, Элизабет тотчас забежала сюда поболтать. Она сидит на своем обычном месте.

– Он точно из тех, у кого есть враги. Безрукавка, огромный дом, татуировок больше, чем у Рона, и так далее, и так далее. Полиция должна была уже составить список подозреваемых, и мы до него доберемся. Но пока нет списка, почему бы не рассмотреть версию с Яном Вентамом в качестве убийцы? Помнишь Яна Вентама? От него еще несет лосьоном после бритья. Вентам с Тони Карраном поссорились. Ссору, разумеется, видел Рон – разве он что упустит? И Джойс говорила что-то про пиццерию, только я не поняла.

Элизабет старается теперь почаще упоминать Джойс, потому что какой смысл скрывать?

– Что мы могли бы обоснованно предположить? Скажем, Вентам недоволен Карраном или Карран недоволен Вентамом. Неважно, кто кем. Им есть что обсудить, но почему-то они делают это публично, что уже странно.

Элизабет смотрит на часы. Она все равно старается смотреть незаметно.

– Итак, предположим, сразу после собрания Вентам должен сообщить ему какую-то неприятную новость. Он боится, как среагирует Карран, поэтому встречается с ним у всех на глазах. Надеется, что этим заставит его сдержаться. Но, на взгляд Рона, «безуспешно». Я сейчас повторяю слова Рона.

У кровати кусочек губки на палочке. Элизабет макает губку в кувшин с водой и смачивает Пенни сухие губы. Тишину наполняет металлическое стрекотание монитора, отслеживающего сердцебиение Пенни.

– Итак, что, согласно этому сценарию, сделал бы Вентам, а, Пенни? Ответил бы на претензии Каррана? Переключился на план Б? Поехал бы за Карраном к нему домой? «Дай зайду, обсудим все, может быть, я поторопился?» А потом «бац», и все, как ты считаешь? Убил Каррана, чтобы Карран его не убил?

Элизабет ищет глазами свою сумочку. И опирается на ручки кресла, готовится встать.

– Но из-за чего, спросишь ты? Я собираюсь заняться их финансовыми отношениями. Ищите деньги. В Женеве есть один человек, он у меня в долгу, так что к вечеру мы получим финансовую документацию Вентама. Как бы то ни было, это увлекательно, правда? Приключение. И думаю, кое в чем мы можем обставить полицейских. Уверена, маленькая помощь им не повредит, так что этим я сейчас и займусь.

Элизабет выбирается из кресла, подходит к кровати.

– Следствие по настоящему убийству, Пенни! Обещаю все время держать тебя в курсе дела.

Она целует подругу в лоб. Повернувшись к креслу по ту сторону кровати, слабо улыбается.

– Как у тебя дела, Джон?

Муж Пенни откладывает книгу и поднимает взгляд.

– Да сама понимаешь.

– Понимаю. Ты всегда знаешь, где меня найти, Джон.

Медики говорят, что Пенни Грей ничего не слышит, но кто знает? Джон при Элизабет никогда с Пенни не говорит. Он приходит в «Ивы» в семь утра и уходит в девять вечера – возвращается в квартиру, где они жили с Пенни. К отпускным сувенирам, старым снимкам и общим воспоминаниям о пятидесяти годах вместе. Элизабет знает: когда никто не слышит, он разговаривает с Пенни. И заходя – обязательно сначала постучав, – она каждый раз видит, как на руке Пенни тают следы пальцев Джона. А у него в руках книга, открытая, похоже, всегда на одной странице.

Элизабет оставляет влюбленных вдвоем.

Глава 15. Джойс

По средам я на микроавтобусе для проживающих езжу в Файрхэвен погулять по магазинам. По понедельникам он ходит до Танбридж-веллс, это полчаса в другую сторону, но мне нравится Файрхэвен – он моложе. Я люблю посмотреть, как люди одеваются, и послушать чаек. Шофера зовут Карлито, его обычно принимают за испанца, но я с ним не раз уже болтала, и оказалось, он португалец. Хотя он не подает виду.

У самой набережной есть веганское кафе, я нашла его несколько месяцев назад и уже предвкушаю отличный чай с мятой и миндальное пирожное. Я не веганка и не собираюсь ею быть, но все же мне хочется это дело как-то поддержать. Пишут, что если человечество не откажется от мяса, то к 2050-му нас ждет голод. Никому не в обиду, мне без малого восемьдесят, так что это не мои проблемы, но я очень надеюсь, что веганы справятся. Дочка моя Джоанна – вегетарианка, и я когда-нибудь свожу ее туда. Просто так заглянем, словно для меня самое обычное дело зайти в веганское кафе.

В автобусе собирается обычная компания. Неизменные Питер с Кэрл – милая пара из Рёскина, они ездят навестить дочь, которая живет на набережной. Точно

знаю, что внуков у них нет, а при этом она, как видно, днем дома. За этим что-то есть. Еще сэр Николас, тот просто для моциона, раз уж ему теперь не разрешают водить машину. И Наоми с ее бедром, с которым никак не могут разобраться, и одна женщина из Вордсворта – я недослышала, как ее зовут, а переспросить стесняюсь. Хотя она очень приветливая. (Элейн?)

Я знаю, что Бернард будет на обычном месте в самом конце. Мне всегда хочется подсесть к нему, с ним приятно поболтать, когда он в настроении. Но я знаю, что он ездит в Файрхэвен ради покойной жены, так что оставляю его в покое. Они там познакомились и там же жили, пока не перебрались сюда. Он мне говорил, что после ее смерти заходил в отель «Адельфи» – она там работала – и пропускал стаканчик-другой вина, глядя на море. Честно говоря, от него я и узнала про этот микроавтобус, так что нет худа без добра. В прошлом году «Адельфи» преобразовали в «Травелодж», поэтому теперь Бернард сидит на пирсе. Это не такая потеря, как кажется. Они там всё переделали, и отель взял несколько наград.

Может, надо просто когда-нибудь подсесть к нему в автобусе – чего я дожидаюсь?

Я предвкушаю чай и пирожное, а еще мне хочется немножко тишины и покоя. Весь Куперсчейз сплетничает про беднягу Каррана. У нас тут смерть всегда рядом, и все равно. Не каждому же проламывают голову, верно?

У меня всё. Если что случится, непременно напишу.

Глава 16

Перед самым отправлением дверца микроавтобуса в последний раз отъезжает в сторону, и в салон вступает Элизабет. Она занимает место рядом с Джойс.

– Доброе утро, Джойс, – с улыбкой здоровается она.

– О, в первый раз! – отвечает Джойс. – Как приятно!

– Если вы не любите дорожных разговоров, я захватила книжку, – говорит Элизабет.

– Ой, нет, давайте поговорим!

Карлито с обычной осторожностью трогает машину с места.

– Превосходно, – говорит Элизабет, – потому что на самом деле я без книжки.

Элизабет с Джойс заводят разговор. Они очень старательно обходят дело Тони Каррана. Первое, что узнаешь в Куперсчейзе, это что у некоторых со слухом все в порядке, поэтому Элизабет рассказывает Джойс о своей прошлой поездке в Файрхэвен, где-то в шестидесятых годах, по поводу выброшенной на берег детали какого-то устройства. Элизабет не позволяет себе вдаваться в подробности, хотя, по ее словам, дело почти наверняка уже открыто, так что, если интересно, Джойс может найти, где о нем почитать. Очень приятная поездка. Солнце уже высоко, небо голубое, в воздухе пахнет убийством.

Карлито, как всегда, останавливает автобус у «Раймана». Здесь же все соберутся через три часа. Карлито уже два года на этой работе, и ни разу никто не опоздал. Кроме Малькольма Уикса, который, как выяснилось, скончался в отделе осветительных приборов в магазине Роберта Диаса.

Джойс с Элизабет выходят последними, пропустив вперед штурмовую волну костылей, палок и ходунков. Бернард на ходу приподнимает шляпу, приветствуя дам, и уходит в сторону набережной с «Дейли экспресс» под мышкой.

Выходя, Элизабет на чистейшем португальском благодарит Карлито за осторожное вождение, и только тогда Джойс догадывается спросить, чем она собирается заняться в Файрхэвене.

– Тем же, что и вы, дорогая. Вы не против?

Элизабет сворачивает от набережной, и Джойс не отстает: ей хочется приключений, хотя она все же надеется улучшить время на чай с пирожным.

Очень скоро они подходят к широкому каменному крыльцу Файрхэвенского отделения полиции на Вестерн-роуд. Пока открывается автоматическая дверь, Элизабет оборачивается к Джойс.

– Мне вот что подумалось, Джойс. Если мы намерены расследовать это убийство...

– Мы намерены расследовать убийство? – изумляется Джойс.

– А как же, Джойс? – отвечает Элизабет. – Лучше нас никто не справится. Но у нас нет доступа к материалам дела, показаниям свидетелей, результатам экспертизы, и это надо исправить. Затем мы сюда и пришли. Я уверена, вам этого можно не говорить, Джойс, но поддерживайте меня в любом случае.

Джойс кивает: конечно-конечно. Они заходят.

Позвонив в звонок у второй, бронированной двери, две дамы попадают в приемную. Джойс впервые в полицейском участке, зато она пересмотрела все документальные фильмы ITV о полиции и теперь разочарована: никто не валит никого на пол и не волочит в камеру под волнующе запиканные ругательства. Вместо всего этого они видят молодого дежурного сержанта, украдкой раскладывающего пасьянс на служебном компьютере.

– Чем могу помочь, леди? – спрашивает он.

Элизабет ударяется в слезы. Джойс удаётся скрыть изумление.

– У меня только что украли сумочку. Перед «Холланд и Баррет», – плачет Элизабет.

«Так вот почему она не взяла с собой сумочки», – думает Джойс. Ее эта мысль донимала еще в автобусе. Джойс обнимает подругу за плечи.

– Это ужас что такое!

– Позвольте, я вызову кого-нибудь принять у вас заявление, и мы посмотрим, что тут можно сделать.

Дежурный сержант нажимает кнопку слева от себя, и через несколько секунд в следующую бронированную дверь входит молодой констебль.

– Марк, у этой дамы сейчас на Квинс-роуд украли сумочку. Ты примешь заявление. А я приготовлю по чашечке на всех.

– Конечно, мадам, пройдемте, пожалуйста.

Элизабет наотрез отказывается двигаться с места. Она мотает головой, щеки уже мокры от слез.

– Я хотела бы говорить с женщиной.

– Ручаюсь, Марк вам поможет, – заверяет дежурный сержант.

– Пожалуйста, – всхлипывает Элизабет.

Джойс спешит на выручку.

– Моя подруга – монахиня, сержант.

– Монахиня? – переспрашивает дежурный.

– Да, монахиня, – кивает Джойс. – Вам, я думаю, не надо объяснять, что из этого следует.

Дежурный сержант представляет, какое множество неприятностей сулит ему продолжение этого разговора, и выбирает легкий путь.

– Прошу вас немного подождать, мадам, я кого-нибудь подыщу.

Он вместе с Марком уходит за бронированную дверь, и на минуту Элизабет с Джойс остаются вдвоем. Элизабет, бросив лить слезы, косится на Джойс.

– Монахиня? Отличный ход.

– Мне некогда было толком подумать, – говорит Джойс.

– Я собиралась, если прижмут, сказать, что кто-то меня трогал, – говорит Элизабет. – Знаешь, они теперь этого как огня боятся. Но монахиня... это гораздо забавнее.

– Зачем вам женщина-полицейский? – У Джойс множество вопросов, но этот – первый в очереди. – И очень правильно, что вы не сказали: «женщина-констебль». Я вами горжусь.

– Спасибо, Джойс. Я просто подумала, раз уж автобус все равно идет в Файрхэвен, надо бы заскочить повидать констебля де Фрейтас.

Джойс медленно кивает. В мире Элизабет такие вещи выглядят абсолютно разумно.

– А если сейчас не ее дежурство? Или ее, но здесь служат и другие женщины?

– Неужели я повела бы вас сюда, не проверив заранее, Джойс?

– Как же вы проверили?..

Бронированная дверь открывается, входит Донна де Фрейтас.

– Итак, леди, чем я могу вам... – Тут она их узнаёт. Переводит взгляд с Элизабет на Джойс и обратно: – ...вам помочь?

Глава 17

Старшему инспектору Крису Хадсону вручили дело по Тони Каррану – толстенное, папка ложится на стол с приятным тяжелым хлопком. Вот как сейчас.

Крис пьет диетическую колу. Иногда он беспокоится, как бы не пристраститься. Он однажды видел заголовок статьи о диетической коле – такой пугающий, что самой статье предпочел не читать.

Он открывает папку. Большая часть столкновений Тони Каррана с кентской полицией имела место еще до Криса. Лет с двадцати – обвинения в нанесении побоев, мелкие приговоры за наркотики, опасное вождение, содержание опасной собаки, незаконное владение оружием. Нарушение налогового законодательства, публичное мочеиспускание.

Все это складывается в долгую историю. Крис вскрывает упаковку сомнительного сэндвича с парковки. И читает распечатки множества допросов, снятых с Тони Каррана за долгие годы; последний – после стрельбы в пабе «Блэкбридж», при которой погиб молодой распространитель наркотиков. Один свидетель показал, что смертельный выстрел сделал Тони Карран, и полиция вызвала того на допрос.

В те годы все вращалось вокруг Тони Каррана. Любого спроси, каждый скажет. Тони заправлял в Файрхэвене наркоторговлей и еще много чем. Большие деньги делал.

Крис читает угнетающе знакомый поток «без комментариев» в допросе по «Блэкбриджу». Читает, что свидетель – местный таксист – вскоре пропал. Запугали, а то и что похуже. Тони Карран, местный строитель, ушел безнаказанным.

Так, что там было? Одно убийство? Два? Убитый в «Блэкбридже» наркоторговец и, может быть, несчастный таксист, оказавшийся свидетелем?

После двухтысячного – ничего. Штраф за превышение скорости в 2009-м оплачен в срок.

Крис рассматривает фото, оставленное убийцей рядом с телом. Трое мужчин. Тони Карран, ныне покойный. Его обнимает за плечи другой местный дилер тех времен, Бобби Таннер. Наемная сила. Настоящее местонахождение неизвестно, но его скоро выследят. И третий, его местонахождение очень даже известно. Бывший боксер Джейсон Ричи. Крис представляет, сколько заплатили бы за этот снимок газеты. Он слышал, есть полицейские, которые на такое идут. С точки

зрения Криса, подлее не бывает. Он рассматривает улыбки, банкноты и пиво. Пожалуй, это где-то в районе двухтысячного, когда в «Блэкбридже» застрелили того мальчишку. Забавно: двухтысячный год – уже древняя история.

Изучая фото, Крис сдирает обертку с шоколадки «Твикс». Через месяц у него ежегодный медосмотр, и Крис каждый понедельник уговаривает себя, что на этой неделе он наконец приведет себя в форму, сбросит лишний стоун или около того. Тот стоун, от которого в ногах судороги. Тот стоун, который отбивает охоту покупать новую одежду – а вдруг еще похудею? – и не позволяет пригласить девушку на свидание, потому что кому он такой нужен. Тот стоун, который стоит между ним и миром. Если не кривить душой – два стоуна.

По понедельникам обычно все хорошо. В понедельник Крис не пользуется лифтом. В понедельник Крис приносит на службу домашний обед. В понедельник он качает пресс в постели. Но во вторник или, если повезет, в среду мир подкрадывается со спины. Лестницы наводят на Криса ужас, и он теряет веру в свой проект. Крис сознаёт, что проект этот – он сам, и оттого увязает еще глубже. Отсюда мучное и чипсы, сэндвичи с заправки, выпивка наспех после работы, купленный навынос готовый ужин, шоколадка по дороге домой. Наестся до оцепенения, устыдиться, повторить сначала.

Но впереди всегда маячит понедельник, и один из них принесет спасение. Стоун будет сброшен, за ним другой стоун, притаившийся в засаде. Медосмотр будет Крису нипочем, он станет атлетом, каким чувствует себя в душе. Пошлет смайлик с оттопыренным большим пальцем той новой девушке, с которой флиртует онлайн.

Прикончив «Твикс», он ищет взглядом чипсы.

Крис Хадсон догадывается, что та стрельба в «Блэкбридже» стала для Тони гласом с небес. Похоже на то. Примерно в это время Тони начал сотрудничать с местным застройщиком Яном Вентамом и, возможно, решил, что по закону жить проще. В деле крутились хорошие деньги, пусть само дело и было для него непривычно. Тони, как видно, смекнул, что нельзя до бесконечности испытывать судьбу.

Крис вскрывает пакетик чипсов и смотрит на часы. У него назначена встреча, и, пожалуй, пора выходить. Кто-то видел, как Тони Карран с кем-то ссорился

незадолго до смерти, и желает поговорить с полицией лично. Ехать недалеко. В поселок пенсионеров, где работал Карран.

Крис еще раз смотрит на фото. Трое мужчин, какая счастливая компания. Тони Карран с Бобом Таннером в обнимку. И в сторонке, с бутылкой в руке и благородно сломанным носом, в расцвете сил или годом-двумя позже, Джейсон Ричи.

Три друга, пиво, стол, заваленный деньгами. Зачем было оставлять этот снимок у трупа? Предупреждение от Бобби Таннера или Джейсона Ричи? Предупреждение кому-то из них? Ты на очереди? Скорее, уловка для отвода глаз. Иначе было бы слишком глупо.

Так или иначе, с Джейсоном Ричи придется побеседовать. А группа Криса, надо надеяться, разыщет недостающего третьего – Бобби Таннера.

Вернее сказать – недостающих, думает Крис, высыпая в рот крошки чипсов.

Потому что кто-то ведь сделал этот снимок.

Глава 18

Донна жестом приглашает посетительниц сесть. Они в помещении для допросов, литера «Б» – голая коробка без окон, посередине привинченный к полу деревянный стол. Джойс, как восторженная туристка, глазееет по сторонам. Элизабет, похоже, чувствует себя как дома. Донна ждет, пока закроется тяжелая дверь. Как только щелкает замок, она переводит взгляд на Элизабет.

– Так вы теперь монахиня, Элизабет?

Элизабет быстрым кивком и поднятым пальцем дает понять, что одобряет вопрос.

– Донна, я, как любая современная женщина, при необходимости бываю кем угодно. Всем нам приходится менять окраску, верно? – Она достает из

внутреннего кармана блокнот и ручку, кладет их на стол. – Но в данном случае это заслуга Джойс.

Джойс все озирается по сторонам.

– Тут все в точности как по телевизору, констебль де Фрейтас. Изумительно! Как, должно быть, интересно здесь работать!

Донна не разделяет ее восторгов.

– Итак, Элизабет, у вас украли сумочку?

– Нет, милая, – признаётся Элизабет. – К счастью для того, кто попытался бы ее украсть. Можете себе такое представить?

– Тогда позвольте спросить, что вы обе тут делаете. У меня работа стоит.

Элизабет кивает.

– Конечно, резонный вопрос. Ну, я приехала, чтобы кое о чем с вами поговорить. А Джойс собиралась походить по магазинам, так, Джойс? Помнится, я не спрашивала.

– Я собралась во «Все живое» – это веганское кафе, знаете?

Донна, взглянув на часы, наклоняется к ним.

– Ну, вот вам я. Хотите поговорить – вперед. Даю две минуты, а потом иду ловить преступников.

Элизабет тихонько хлопает в ладоши.

– Превосходно! Ну, прежде всего я вот что скажу: бросьте притворяться, будто вы нам не рады, – сами знаете, что рады. И нам приятно вас снова повидать. И будет гораздо веселее, если все мы в этом сознаемся.

Донна не отвечает. Джойс нагибается к стоящему на столе диктофону.

- Под запись: констебль де Фрейтас отказывается отвечать, но тщетно пытается скрыть улыбку.

- Второе, но на ту же тему, - продолжает Элизабет. - Не знаю, от чего мы вас оторвали, но точно не от ловли преступников. От чего-нибудь скучного.

- Без комментариев, - парирует Донна.

- Откуда вы, Донна? Можно мне звать вас Донной?

- Вам можно. Я из Южного Лондона.

- Перевелись из столичной полиции?

Донна кивает. Элизабет что-то помечает в блокноте.

- Вы делаете заметки? - осведомляется Донна.

Элизабет кивает.

- Почему же перевелись? И почему в Файрхэвен?

- Эта история может подождать. Еще один вопрос, а потом я уйду. Хотя все это забавно.

- Конечно, - соглашается Элизабет, закрывает блокнот и поправляет очки. - Ну, вообще-то я собиралась утверждать, но под конец обещаю вопрос.

Донна поднимает ладони, приглашая Элизабет продолжать.

- Вот что мне видится, а если я ошибусь, вы меня, конечно, поправите. Вам лет двадцать пять, на вид вы умны и инициативны. И еще вы кажетесь мне очень доброй, но и на случай драки вас неплохо иметь под рукой. По причинам, до которых мы еще докопаемся, скорее всего из-за безнадежной любви, вы

покинули Лондон, который, думается, и по образу жизни, и по работе подходил вам как перчатка. Очутились здесь, в Файрхэвене, где и преступления, и преступники – мелочь. И топчете мостовые. Может, какой хулиган украдет велосипед, Донна, может, кто-то забудет расплатиться на заправке или в пабе подерутся из-за девчонки. Боже мой, какая скука! Мне по причинам, о которых я не буду здесь говорить, довелось три месяца проработать в баре бывшей Югославии, так у меня мозги лезли из ушей, до того хотелось волнений, переживаний – чтобы хоть что-нибудь случилось. Знакомо? Вы свободны, снимаете квартиру, завести здесь друзей вам оказалось непросто. Большинство сослуживцев для вас староваты. Ручаюсь, тот молодой констебль, Марк, приглашал вас на свидание, но девушка из Южного Лондона ему явно не по зубам, так что вы отказали. Вам обоим до сих пор неловко. Бедный мальчик. Вернуться в столицу вам пока не позволяет гордость, так что на время вы здесь застряли. Вы еще новенькая, продвижения ждать и ждать, да к тому же вас недолюбливают, потому что все подозревают: вы в глубине души сознаёте свою ошибку и чувствуете себя не на месте. И даже подать в отставку вы не можете. Так просто выбросить годы службы – трудные годы – из-за одного неверного шага? И вы смену за сменой вышагиваете по улицам по всей форме и скрипите зубами в ожидании хоть чего-то необычного. Вроде женщины, которая вовсе не монахиня и врет, что у нее украли сумочку.

Элизабет, подняв бровь, ждет от Донны ответа. Донна совершенно непроницаема, абсолютно невозмутима.

– Я жду вопроса, Элизабет.

Элизабет, кивнув, снова открывает блокнот.

– Вопрос такой: хотите расследовать убийство Тони Каррана?

Донна молча переплетает пальцы в замок, подпирает подбородок. И очень внимательно разглядывает Элизабет, прежде чем ответить.

– Группа по убийству Тони Каррана уже собрана, Элизабет.

Высококвалифицированные сотрудники. Я недавно носила им чай. У них точно нет вакансий для констебля, поджимающего губы на каждую просьбу размножить документы. Вам не приходило в голову, что вы, может быть, ничего не понимаете в работе полиции?

Элизабет записывает и одновременно кивает.

- М-м, возможно и так. Это, должно быть, сложно. Но и увлекательно, я полагаю?

- И я полагаю, - соглашается Донна.

- Говорят, ему проломили голову, - продолжает Элизабет. - Большим гаечным ключом. Вы подтверждаете?

- Без комментариев, Элизабет, - произносит Донна.

Элизабет отрывается от блокнота, чтобы снова взглянуть на нее.

- Вам не хотелось бы принять участие, Донна?

Донна барабанит пальцами по столу.

- Окей, предположим, мне хотелось бы участвовать в расследовании убийства...

- Вот именно, давайте предположим. С этого и начнем - и посмотрим, к чему это нас приведет.

- Вы понимаете, как работает отделение полиции, Элизабет? Не могу я взять и попросить, чтобы меня приписали к определенному расследованию.

- Ох, господи, - улыбается Элизабет. - Об этом не беспокойтесь, Донна, это мы всё устроим.

- Вы устроите?

- Думаю, да.

- Как? - спрашивает Донна.

- Ну, способ всегда найдется, верно? Но вам это будет интересно? Если мы устроим?

Донна оглядывается на тяжелую дверь – она плотно закрыта.

– Когда вы могли бы это устроить, Элизабет?

Элизабет бросает взгляд на часы и чуть заметно пожимает плечами.

– Скажем, через час?

– И об этом нашем разговоре никто не узнает?

Элизабет прижимает палец к губам.

– Тогда да, да, пожалуйста. – Донна открыто и честно протягивает к ней раскрытые ладони. – Мне очень, очень хотелось бы ловить убийц.

Элизабет, улыбнувшись, прячет блокнот в карман.

– Вот и здорово! Я так и думала, что правильно разобралась в положении дел.

– А вам это зачем? – спрашивает Донна.

– Незачем, просто услуга новой знакомой. Ну и, может, у нас иногда будет возникать вопрос-другой по ходу расследования. Вы ведь утолите наше любопытство?

– Вы понимаете, что я не вправе разглашать конфиденциальные сведения? Ничего такого обещать не могу.

– Все в рамках служебной этики. – Элизабет осеняет себя крестом. – Слово служительницы божьей.

– Так говорите, через час?

Элизабет смотрит на часы.

– Я бы сказала, около часа. Как доедем.

Донна кивает так, будто все поняла.

– Насчет вашего выступления, Элизабет. Не знаю, меня вы рассчитывали поразить или хвастались перед Джойс, но все это довольно очевидно.

– Очевидно, – снисходительно соглашается Элизабет, – зато верно, дорогая.

– Верно, да не совсем, мисс Марпл. Что скажете, Джойс?

Джойс робко подает голос.

– Ах да. Тот мальчик, Марк, – он гей, Элизабет. Нужно быть слепой, чтобы не заметить.

Донна усмехается.

– Вам повезло с подружкой, сестра.

Ей нравится, что Элизабет тоже прячет улыбку.

– Мне, кстати, нужен номер вашего мобильного, Донна, – говорит Элизабет. – Неохота каждый раз, как вы понадобится, выдумывать преступление.

Донна выкладывает на стол карточку.

– Надеюсь, это личный номер, а не служебный, – добавляет Элизабет. – Хотелось бы немножко приватности.

Донна, качая головой, смотрит на Элизабет и вздыхает. И подписывает на карточке еще один номер.

– Чудесно, – говорит Элизабет. – Подозреваю, что все вместе мы сумеем выяснить, кто убил Тони Каррана. Не бывает убийств, которые не по уму человеку. Особенно женщине.

Донна встает.

- Мне следовало бы спросить, как вы собираетесь ввести меня в следственную группу, Элизабет? Или лучше не знать?

Элизабет смотрит на часы.

- Не берите в голову. Рон с Ибрагимом наверняка уже обо всем позаботились.

Джойс дожидается, когда Элизабет тоже встанет, после чего снова наклоняется к диктофону.

- Допрос окончен в 12:47.

Глава 19

Старший инспектор отдела расследований Крис Хадсон выводит свой «Форд Фокус» на длинную широкую дорожку к Куперсчейзу. Пробок почти не было, и он надеется скоро закончить.

Поглядывая по сторонам, Крис дивится, зачем здесь столько лам. На стоянке для посетителей нет мест, так что он оставляет «форд» на обочине и выходит под кентское солнышко.

Крис уже бывал в поселках для престарелых, но этот – совсем не то, чего он ожидал. Тут целая деревенька. На лужайке играют в шары, в кулерах охлаждается вино. Одна из играющих – очень пожилая женщина – курит трубку. Крис проходит по вьющейся через идеальный английский парк тропинке между трехэтажными жилыми зданиями. В патио и на балкончиках греются на солнце и сплетничают жильцы. Подружки сидят на лавочках, над кустами гудят пчелы, легкий ветерок вызванивает музыку на кубиках льда. Криса все это страшно бесит. Он создан для дождя и ветра, для поднятого повыше воротника. Если бы он мог, то на лето впадал бы в спячку. Шорты он не надевал с 1987 года.

Крис пересекает парковку для проживающих, минует красный почтовый ящик – как с картинки, что тоже бесит, – и находит здание Вордсворт-корт.

Он нажимает звонок с табличкой «кв. 11, м-р Ибрагим Ариф».

Попав внутрь, он проходит по роскошным коврам коридора, поднимается по роскошным коврам лестницы, стучит в тяжелую дубовую дверь и в конце концов оказывается в квартире сидящим напротив Арифа, а также напротив некоего Рона Ричи.

Рон Ричи? Ну и дела! Когда их представили, Крис просто опешил. Отец человека, которым они занимаются, – это что? Удача? Или что-то более зловещее? Посмотрим, как пойдет игра, заключает Крис. Он уверен, что если связь с делом есть, он ее не упустит.

Хотя и странно, что Красный Рон в конечном счете очутился здесь. Гроза боссов, черный зверь британской автомобильной промышленности, британской стали и прочего британского чего угодно. В Куперсчейзе, среди жимолости и «ауди»? Честно говоря, Крис вряд ли сам его узнал бы. Рон Ричи одет в пижаму – штаны от одного комплекта, верх от другого, куртка нараспашку, зато туфли модельные. Глаза пустые, губа отвисла. Человеческая развалина, и Крис чувствует себя неловко, будто подсматривает за чем-то интимным.

Ибрагим объясняет старшему инспектору Хадсону положение дел.

– Для пожилого человека разговор с представителем полиции – большой стресс. Ни в коем случае не вините в этом себя. Однако потому я и предложил провести беседу здесь.

Крис осторожно кивает, поскольку заученное: «Уверю вас, мистеру Ричи ничего не грозит, но если он, по вашим словам, обладает информацией, я должен задать ему пару вопросов» – он уже произнес.

Ибрагим обращается к Рону.

– Рон, он только хочет тебя спросить про ту ссору, которую ты видел. Помнишь, мы говорили?

Он снова переводит взгляд на Криса.

– Он стал забывчив. Очень старый человек, старший инспектор. Очень, очень старый.

– Да-да, Ибрагим, – говорит Рон.

Ибрагим похлопывает его по руке и медленно выговаривает:

– По-моему, это вполне безопасно, Рон. Мы видели удостоверение этого джентльмена, я позвонил по указанному там номеру и прогуглил его. Помнишь?

– Я только... не знаю, можно ли, – бормочет Рон. – Не хочу никаких неприятностей.

– Никаких неприятностей и не будет, мистер Ричи, – успокаивает Крис. – Гарантирую. Просто вы, может быть, располагаете важными сведениями.

От Красного Рона одна тень осталась, и Крис понимает, что надо быть очень осторожным. Ни в коем случае не упоминать пока Джейсона. Надежда на обед в пабе быстро тает.

– Мистер Ариф прав, со мной можно говорить свободно.

Рон смотрит на Криса, потом на Ибрагима, ожидая от него поддержки. Ибрагим пожимает другу руку, и Рон, снова обернувшись к Крису, наклоняется к нему.

– Мне спокойнее было бы говорить с той леди.

Крис пробует мятный чай, который заварил для него Ибрагим.

– С той леди?

Он переводит взгляд с Рона на Ибрагима. Тот приходит на помощь.

– С какой леди, Рон?

– Ну, с той, Айб. С той, что приезжает с нами беседовать. Женщина-коп.

– Ах да! – спохватывается Ибрагим. – Констебль де Фрейтас. Она часто к нам приезжает, старший инспектор. Учит закрывать окна на задвижку. Вы с ней не знакомы?

– Знаком, конечно. Да, она в моей группе. – Крис напрягает память: как звали ту молодую девицу с несуществующими шнурками – не де Фрейтас ли? Почти наверняка она. Перевелась из столицы, почему – никто не знает. – Мы с ней очень тесно сотрудничаем.

– Так она участвует в расследовании? Прекрасно! – сияет Ибрагим. – Мы здесь очень любим констебля де Фрейтас.

– Ну официально она не участвует, мистер Ариф, – уточняет Крис. – У нее много других важных дел. Ловит преступников и... и так далее.

Рон с Ибрагимом, не говоря ни слова, смотрят на Криса и ждут.

– Но это потрясающая мысль. Надо взять ее в группу, – спешит Крис, соображая, с кем надо будет поговорить. Наверняка кто-то да задолжал ему услугу.

– Она прекрасный офицер, – говорит Ибрагим. – Она делает вам честь.

Снова став серьезным, он поворачивается к Рону.

– Так что, если наш красавец-следователь и наша приятельница де Фрейтас приедут вместе, ты согласишься с ними потолковать, Рон?

Рон наконец берет чашку с чаем.

– Было бы замечательно, Айб. Мне это нравится. Я и с Джейсоном поговорю.

– С Джейсоном? – настораживается Крис.

– Ты боксом не увлекаешься, сынок? – спрашивает Рон.

– Очень увлекаюсь, мистер Ричи, – кивает Крис.

– У меня сын боксер. Джейсон.

– Я его знаю, сэр, – говорит Крис. – Он, должно быть, ваша гордость.

– Просто он был со мной, так надо и его позвать. Он тоже видел ту ссору.

Крис кивает. Ого, это весьма интересно. Не зря он съездил.

– Ну, я непременно приеду и побеседую с вами обоими.

– И констебля де Фрейтас захватите? – напоминает Ибрагим. – Замечательно.

– Конечно, – кивает Крис. – Все что угодно, лишь бы докопаться до истины.

Глава 20. Джойс

Итак, похоже, что мы ведем следствие по убийству. И еще лучше – я побывала в допросной комнате полиции. Этот дневник принес мне удачу.

Интересно было понаблюдать за Элизабет в деле. Очень впечатляет. Такое хладнокровие. Хотелось бы знать, как бы мы поладили, если бы познакомились тридцать лет назад. Вряд ли, мы из разных миров. Но здесь люди сходятся.

Я очень надеюсь, что сумею помочь Элизабет в расследовании. Помочь в поимке убийцы Тони Каррана. Может, и сумею, на свой лад.

Думаю, если у меня и есть какая-то особая способность, так это что меня часто не замечают. Или правильнее сказать «недооценивают»?

В Куперсчейзе полно великих и прославленных людей, которые что-то в жизни совершили. Кто-то участвовал в проектировании туннеля под Ла-Маншем, в

честь кого-то назвали болезнью, кто-то был послом в Парагвае или Уругвае. Вы меня понимаете.

А я? Джойс Мидоукрофт? Хотелось бы знать, какой они меня видят. Безобидной? Наверняка. Болтливой? Боюсь, грешна. Но мне кажется, в глубине души они понимают, что я не из их круга. Медсестра, не врач, хотя в лицо этого никто не скажет. Все знают, что квартиру здесь мне купила Джоанна. Джоанна из их круга. А я не совсем.

Однако же, если в Комиссии по питанию склока, если не работает насос на озере или, как давеча, пес одного проживающего сделал щенков собачке другого и оба как с цепи сорвались, кто все уладит? Джойс Мидоукрофт.

Я с превеликим удовольствием смотрю, как они пыжятся, надувают грудь, слушаю, как грозятся судом, и жду, пока они выпустят пар. Тогда вступаю я и намекаю, что, может быть, есть варианты, может быть, можно договориться, и собаки, может быть, есть собаки. Я здесь ни для кого не угроза, никому не соперница. Я Джойс, тихая болтушка Джойс, вечно во все суну нос.

Потому-то со мной все успокаиваются. Тихая, рассудительная Джойс. Никто уже не кричит, и проблемы улаживаются, и нередко – не без выгоды для меня. Только этого, похоже, никто не замечает.

Так что я очень люблю быть незаметной – и всегда любила. И я правда думаю, что буду полезна в расследовании. Все станут смотреть на Элизабет, а я просто буду самой собой.

Мидоукрофт я, между прочим, по покойному мужу, Джерри, и мне эта фамилия всегда нравилась. Среди многих причин выйти замуж за Джерри его фамилия была не последней. Одна моя знакомая медсестра вышла за Бамстеда[5 - Фамилия звучит как «болван», «тупица»]. Барбара Бамстед. Я бы, пожалуй, нашла предлог отказать.

Какой был день! Теперь посмотрю старый выпуск «Главного подозреваемого», и в постель.

Не знаю, чего завтра захочет от меня Элизабет, но я готова.

Глава 21

Еще одно прекрасное утро.

Богдан Янковский сидит в кресле-качалке в патио Яна Вентама и неспешно размышляет.

Убит Тони Карран. Кто-то вломился к нему в дом и убил его. Подозреваемых полно, и Богдан мысленно перебирает одного за другим. Обдумывает, по каким причинам они могли желать Каррану смерти.

Смерть Тони, кажется, всех потрясла, а Богдана ничем не удивишь. Люди постоянно умирают по самым разным причинам. Его отец упал с плотины под Краковом, когда Богдан был еще ребенком. Или спрыгнул, или его столкнули, не суть. Это не меняет того факта, что он умер. Так или иначе, все там будем.

Сад у Яна не во вкусе Богдана. Лужайка протянулась к ряду деревьев вдалеке – все такое упорядоченное, английское, стриженное. Слева от деревьев – пруд. Ян Вентам называет его озером, но Богдан-то знает, что такое озеро. Через дальний, узкий конец пруда перекинут деревянный мостик. Детишкам понравилось бы, но Богдан ни разу не видел в этом саду детей.

Вентам купил семейку уток, но их убили лисы, а потом один знакомец Богдана по пабу убил лис. Больше Ян уток не покупал, потому что какой смысл. Лисы всегда найдутся. Иногда сюда залетают дикие утки. Дай им бог, думает Богдан.

Плавательный бассейн располагается по правую руку от Богдана. Всего несколько шагов от патио, и можно нырять. Плитку в бассейне клал Богдан. Мостик в цвет утиного яйца красил Богдан, и патио, где теперь сидит, тоже он устраивал.

Ян не обманул – предложил ему взяться за застройку «Лесного поселка». То есть Богдан сменит Тони, и кое-кто увидел бы в том недобрый знак, а то и дурной глаз. Для Богдана как сложилось, так и сложилось, а работать он будет в полную силу. Деньги хорошие. Деньги Богдана не особо интересуют, зато дело

азартное. И в поселке бывать он любит, ему нравится тамошний народ.

Богдан уже посмотрел все планы, все изучил. Сначала показалось сложно, но когда вникнешь, довольно просто. Богдан с удовольствием выполнял небольшие работы для Яна Вентама, задания как раз по нему, но он понимает, что все меняется и пора шагнуть на следующую ступеньку.

Матери Богдан лишился в девятнадцать лет. От отца ей оставались кое-какие деньги. Откуда-то – в те времена ему было не до подробностей. Из тех денег Богдан оплатил обучение на инженера в Краковском политехническом университете. Он был в Кракове, когда мать свалилась с инсультом у себя дома. Будь он дома, он бы ее спас, но его не было, вот он и не спас.

Богдан приехал домой, похоронил мать и на следующий день уехал в Англию. Почти двадцать лет спустя он все еще здесь и любит дурацкой лужайкой.

Богдан как раз думает, не закрыть ли пока глаза, когда с дальней стороны дома, от входной двери, доносится басовитый гудок звонка. Редкий гость в этом большом тихом доме – из-за него Ян и пригласил к себе Богдана. Ян выглядывает из кабинета.

– Богдан. Дверь.

– Да, конечно.

Богдан поднимается на ноги. Он проходит через зимний сад, сделанный по его проекту, через музыкальную комнату, где устраивал звукоизоляцию, в коридор, который он циклевал в одних трусах в самый жаркий день лета.

Что скажете, то он и сделает.

Отец Мэттью Макки успел пожалеть, что попросил таксиста высадить его в начале дорожки. От ворот до дверей оказалось неблизко. Он обмахивается папкой, потом, посмотревшись в камеру телефона, проверяет, ровно ли сидит высокий воротничок, и нажимает кнопку звонка. Он с облегчением слышит шум в доме, ведь никогда не знаешь, чего ждать, хоть они и договорились. Он рад был,

что встреча назначена здесь. Так проще.

Слышны шаги по деревянному полу, потом дверь открывает крупный бритоголовый мужчина. На нем белая футболка в обтяжку, на одном предплечье вытатуирован крест, на другом – имя.

– Отец мой, – кивает мужчина. Католик – это хорошо. И, судя по акценту, поляк.

– Джень добры, – здоровается отец Макки.

Мужчина улыбается в ответ.

– Джень добры, джень добры.

– У меня назначена встреча с мистером Вентамом. Я Мэттью Макки.

Мужчина встряхивает ему руку.

– Богдан Янковский. Заходите, пожалуйста, отец.

– Поверьте, мы понимаем, что закон не требует от вас нам помогать, – говорит отец Макки. – Мы, конечно, не согласны с решением совета, но вынуждены смириться.

Майк Гриффин из комитета по планированию хорошо сделал свою работу, отмечает Ян. Раскопать кладбище? На здоровье, Ян, будь гостем. Майк Гриффин не вылезает из онлайн-казино, и пусть себе сидит там подольше.

– И все же мне представляется, что вы морально обязаны оставить Сад вечного покоя на прежнем месте, – продолжает отец Макки. – Потому я решил встретиться с вами лицом к лицу, как мужчина с женщиной, и попытаться прийти к компромиссу.

Ян Вентам внимательно слушает, но думает, честно говоря, о том, какой он умный. Умнее никого не знает, это уж точно. Потому и получает все, чего

добивается. Иногда кажется даже, что это несправедливо. Он не то что на шаг впереди других, он вовсе на другой дороге.

С Карен Плейфейр все было просто. Пусть Гордона Плейфейра не убедить продать землю, но эту он наверняка уговорит. Папаши и дочки... видит же она, какой там кус маячит? Долго ли старик сможет отказываться от суммы с шестью нулями? Ян всегда найдет способ.

А вот с отцом Макки дело будет похитрее, чем с Карен, это Ян понимает. Священники – не то что пятидесятилетние разведенки, которым не помешало бы скинуть несколько фунтов. Тут надо изобразить уважение, и может, даже в самом деле его проявить. В конце концов, вдруг эти святоши правы? Надо мыслить шире. Вот еще один пример пользы ума.

Потому Ян и пригласил к себе Богдана. Знал, что эти двое сойдутся. Вот и хорошо, правда? Он спохватывается, что пора уже что-то сказать.

– Мы всего лишь переместим тела, отец, – говорит Ян. – Это будет проделано с величайшей осторожностью и со всем возможным почтением.

Ян знает, что это не совсем правда. Закон требовал объявить публичный тендер на проведение работ. Поступили три заявки. Одна – от Кентского университета, факультет судебной антропологии, – те точно выполнили бы работу с величайшим почтением и осторожностью. Одна от фирмы «Специалисты по кладбищам» – они недавно переносили тридцать захоронений с участка под новый приют для бездомных животных и приложили к проекту снимки мужчин и женщин в синих комбинезонах, вручную раскапывавших могилы. И третья компания, учрежденная два месяца назад самим Яном. Директором там брайтонский знакомец Яна по гольфу, а нанимает землекопов Сью Банбери из одной с Яном деревни. В острой конкурентной борьбе их компания выиграла тендер. Ян смотрел в интернете, как раскапывают кладбища, – ничего сложного, не высшая математика.

– Там есть могилы полуторавековой давности, мистер Вентам, – говорит отец Макки.

– Зовите меня просто Яном, – предлагает Ян.

Ян мог бы обойтись без этой встречи, но счел, что лучше перестраховаться, чем потом жалеть. Среди проживающих многие, когда им это удобно, вспоминают, что они «воцерковлены», и лучше бы отец Макки не мутил воду. Люди иногда странно относятся к трупам. Так что стоит его выслушать, успокоить и отправить подальше. Пожертвовать на что-нибудь там? Эту идею стоит придержать в заднем кармане.

– Компания, которую вы подрядили для переноса кладбища... – Макки заглядывает в свою папку. – «Пролетные ангелы – специалисты по кремации». Надеюсь, они представляют, за что берутся? Там будет мало целых гробов, Ян, а в основном просто кости. Причем не скелеты – кости рассыпанные, полуистлевшие обломки, ушедшие глубоко в землю. А надо будет найти все до единой кости из каждой могилы, задокументировать и почтить усопших. Этого требуют простые приличия, и, не забывайте, того же требует закон.

Ян кивает, думая, нельзя ли выкрасить экскаваторы в черный цвет. Сюю должна знать.

– Я сегодня приехал сюда, – продолжает отец Макки, – чтобы просить вас еще раз подумать и оставить женщин на месте, не нарушать их покой. Как мужчина с мужчиной... Не знаю, сколько вам это будет стоить, это ваше дело. Но поймите, я слугитель Господа, так что это касается и меня. Я не хочу, чтобы этих женщин перемещали.

– Мэттью, я очень ценю ваше обращение, – отзывается Ян. – И я понимаю вашу мысль про ангелов, страдания души и тому подобное, если я вас правильно понял. Но вы сами сказали: мы найдем там только кости. Ничего другого там нет. И если вы держитесь суеверий или, в вашем случае, религии, то я предпочитаю обходиться без них. Так вот, мы позаботимся о костях, и я совсем не против, чтобы вы присутствовали и наблюдали за работами, если без этого ваша лодка даст течь. Но мне нужно передвинуть кладбище, мне позволили передвинуть кладбище, и я намерен передвинуть кладбище. Считайте меня кем хотите, но это так. Костям все равно где лежать.

– Если я не сумею вас переубедить, то постараюсь всеми средствами осложнить вам это дело. Имейте это в виду, – говорит отец Макки.

– В очередь, отец, – усмехается Ян. – На меня уже открыло охоту Общество защиты животных – из-за барсуков. И какое-то там кентское лесничество поднимает шум из-за деревьев. Теперь вы с монахинями. Мне приходится приспосабливаться к требованиям ЕС по части теплового излучения, светового загрязнения, санитарного оборудования и сотни других, хотя мы, если мне не изменяет память, проголосовали за выход. Проживающие плачут над каждой скамейкой. «Английское наследие» твердит, что кирпичи у меня не той прочности, а самый выгодный поставщик цемента во всей Южной Англии как раз отправился за решетку за махинации с налогами. Вы для меня не самая большая проблема, отец, и даже не предпоследняя.

Ян наконец делает паузу, чтобы перевести дыхание.

– А еще Тони умер, так что всем сейчас тяжело, – перекрестившись, вставляет Богдан.

– Вот-вот. Еще и Тони умер. Трудные времена! – подхватывает Ян.

Отец Макки оборачивается к напомнившему о себе Богдану.

– А вы что скажете, сын мой? О переносе Сада вечного покоя? Вам не кажется, что мы потревожим души? Вы не думаете, что нас ждет за это наказание?

– Отец, я думаю, Бог все видит и всех судит, – отвечает Богдан. – Но, по-моему, кости – это всего лишь кости.

Глава 22

У Джойс сегодня стрижка. Энтони приезжает по четвергам и пятницам, и стрижка в его мобильном салоне – настоящая золотая жила. Джойс всегда записывается первой в очереди, чтобы услышать отборные сплетни.

Элизабет это учла и сидит сейчас у дверей. Ждет, слушает. Она могла бы просто зайти, но ждать и слушать – старая привычка, от нее так просто не избавишься. За целую жизнь она чего только не наслушалась. Элизабет поглядывает на

часы. Если через пять минут Джойс не выйдет, она напомнит о себе.

- В один прекрасный день я все это покрашу, Джойс, - говорит Энтони. - Выйдете отсюда ярко-розовая.

Джойс хихикает.

- Будете как Ники Минаж. Знаете Ники Минаж, Джойс?

- Нет, но звучит красиво, - отвечает Джойс.

- А что вы думаете насчет того убитого парня? - интересуется Энтони. - Карран, да? Я его здесь видел.

- Ну, это, конечно, очень печально, - говорит Джойс.

- Застрелили, как я слышал, - говорит Энтони. - Интересно, за что?

- По-моему, убили тупым предметом, Энтони, - поправляет Джойс.

- Правда? У вас прекрасные волосы, Джойс. Дайте слово, что завещаете их мне.

Элизабет за дверью закатывает глаза.

- Я слышал, его расстреляли на набережной, - не унимается Энтони. - Подкатили трое на мотоциклах...

- Нет, просто проломили голову на его собственной кухне, - говорит Джойс. - Безо всяких мотоциклов.

- Кто бы мог это сделать? - удивляется Энтони. - Проломить человеку голову на собственной кухне?

«Действительно, кто?» - думает Элизабет и снова смотрит на часы.

– А кухня у него наверняка хороша, – говорит Энтони. – Какая жалость. Мне в нем всегда чудилось что-то такое. То есть видно, что он не из порядочных, но все-таки...

– Да, тут мы с вами сходимся, Энтони, – говорит Джойс.

– Надеюсь, того, кто это сделал, поймают.

– Наверняка, – соглашается Джойс, поднося к губам чашку с чаем.

Элизабет, решив, что достаточно наслушалась, встает и входит в салон. Энтони, обернувшись, замечает ее.

– О, вот и она. Дасти Спрингфилд!

– Доброе утро, Энтони. Боюсь, вам придется отпустить Джойс. Она мне нужна.

Джойс хлопает в ладоши.

Глава 23. Джойс

Ну вот уж чего я не ожидала, когда с утра ела мюсли. Сначала то дело с монахиней, а сегодня еще и это.

Если вы решили, что я каждое утро ем мюсли, то ошиблись, но этим утром поела, и, как оказалось, запас энергии пригодился. Время уже к десяти вечера, а я только вернулась. Хотя на обратном пути вздремнула в поезде.

С утра я стриглась у Энтони. Мы почти закончили и уже просто сплетничали в свое удовольствие, когда вошла – кто бы вы думали? – Элизабет. С холщовой сумкой и фляжкой – и то и другое не в ее стиле. Она сказала, что такси уже в пути и чтобы я собралась на целый день. Я, с тех пор как перебралась в Куперсчейз, привыкла к неожиданностям, так что и глазом не моргнула. Спросила, куда мы едем, чтобы представлять, какая там погода и тому

подобное, а она сказала – в Лондон, что меня удивило, зато объяснило фляжку. Я отлично представляю, как холодно бывает в Лондоне, так что заскочила домой и переделалась в отличное пальто. И слава богу за это!

Мы все равно пользуемся робертсбриджским такси, хоть они однажды и завезли внучку Рона не на ту станцию; к их чести, они исправились. Водитель, Хамед, был из Сомали – такое красивое название. Сюрприз-сюрприз, Элизабет там бывала, и они поболтали как старые друзья. У Хамеда шестеро детей, старший работает врачом в Чизлхерсте, если вы знаете, где это. Я была там однажды на барахолке, так что тоже сумела вставить словечко.

Элизабет все ждала, чтобы я спросила, куда мы едем, но не дождалась. Она любит покомандовать, и, не поймите неправильно, мне тоже нравится, когда она командует, но и себя иногда показать невредно. Мне думается, она от меня подзаряжается, в хорошем смысле. Я себя никогда слабой женщиной не считала, но чем больше узнаю Элизабет, тем больше мне кажется, что, может, я такая и есть. Будь у меня сила духа, как у Элизабет, я бы тоже побывала в Сомали? Это я просто для примера.

Мы сели на поезд в Робертсбридже (в 9:51) и к Танбридж-веллс она не утерпела и все мне рассказала. Мы ехали повидать Джоанну.

Джоанна? Моя малышка? Можете представить, сколько у меня было вопросов. Вот теперь Элизабет своего добила.

Так зачем нам понадобилась Джоанна? Вот что постепенно выяснилось. Элизабет объяснила, и у нее это прозвучало очень убедительно, что о многих сторонах дела мы знаем не меньше полиции, и это для всех к лучшему. Однако неплохо нам кое в чем опередить полицию. На случай, если придется «поторговаться». По словам Элизабет, это может оказаться полезным, потому что Донна, к сожалению, не все готова нам выложить. В конце концов, кто мы такие?

Самый большой пробел, на взгляд Элизабет, составляли финансовые отчеты компании Яна Вентама. Не выявят ли они существенной связи между Вентамом и Тони Карраном? Не в них ли причина ссоры? Мотив убийства? Нам важно было это узнать.

Элизабет, конечно, уже раздобыла подробные финансовые отчеты компаний Яна Вентама. Или, вернее сказать, выудила. Все лежали в большой голубой папке, для нее и была холщовая сумка, которую она поставила на сиденье рядом с собой. Я еще не сказала, что мы ехали первым классом? Я все надеялась, что у меня спросят билет, но никто не спросил.

Элизабет все эти финансовые ведомости просмотрела и ни слова не поняла. Ей нужен был человек, который бы во всем для нас разобрался. Нет ли в документах чего необычного? Во что стоило бы сунуть нос, когда выдастся свободная минутка? В том, что в папке найдутся улики, Элизабет не сомневалась. Но как их искать?

Я удивилась, почему это дело не мог сделать тот, кто добыл ей документы. Но Элизабет сказала, что тот человек, к сожалению, задолжал ей одну услугу, а не две. И еще удивилась, что я говорю «тот», учитывая мою политкорректность. Она права, следовало бы сказать «тот или та», но я ответила, что готова поспорить – тот был мужчиной, и она признала, что я не ошиблась.

Где-то на подъезде к Орпингтону я дала слабину и спросила, почему Джоанна. Ну, причины у Элизабет нашлись. Нам нужен был кто-то, кто разбирается в современной бухгалтерии и оценке компаний, а Джоанна, понятно, разбиралась и в том, и в другом. Были ли у Яна Вентама проблемы? Долги? Что ему светило в смысле дальнейшей разработки участка? Получил ли он финансирование? Нам нужен был человек, которому можно безоговорочно доверять. Вот тут Элизабет и вспомнила о Джоанне. Про Джоанну много чего можно сказать, но по части секретов она не подведет. И наконец, нам нужен был человек, с которым можно быстро связаться и который у нас в долгу. Я спросила, какой это услугой Джоанна нам обязана, а она ответила, что все дочки, которые слишком редко навещают матерей, у них в долгу. И тут она с Джоанной не промахнулась.

В сухом остатке, сказала Элизабет, нам нужен человек «компетентный, верный и под рукой».

Одним словом, она написала Джоанне на электронный адрес и не приняла никаких отговорок. Она велела Джоанне не рассказывать об этом мне, чтобы получился приятный сюрприз, вот он и получился.

На письме все это выглядит убедительно, да, ведь у Элизабет настоящий дар убеждать. Но меня она и на минуту не заморочила. Наверняка она могла бы подобрать для этой работы и более подходящего человека. Хотите правду? По-моему, Элизабет все это устроила, чтобы я повидала Джоанну.

Я, между прочим, совсем не против. Выпал случай повидаться с Джоанной и случай похвастаться ею перед Элизабет. И все это без неловкости, как если бы я сама устроила встречу. Я, когда устраиваю, всегда что-то сделаю не так, а Джоанна этого не терпит.

И еще сегодня не пришлось говорить с Джоанной про ее работу, ее нового парня и про новый дом (в Патни – я там не была, но она присылала мне фотографии и упоминала мой возможный приезд на Рождество). Разговор шел об убийстве. Попробуй-ка строить из себя крутого подростка, когда кого-то убили. Как говорится, удачи тебе, дорогая.

Мы прибыли на Чаринг-кросс с четырнадцатиминутным опозданием, потому что «эту службу совсем запустили», о чем Элизабет вдоволь поворчала. Туалет в поезде мне не понадобился, и слава богу. В прошлый раз я была в Лондоне на «Парнях из Джерси» со своей компанией, а тому уже немало лет. Мы, когда удавалось, ездили раза три-четыре в год. Нас было четверо. Ходили на дневные спектакли и попадали на обратный поезд до часа пик. В «Марксе»[б - Вероятно, магазин «Маркс и Спенсер» или кафе при нем. Джойс – большая любительница шопинга. Упоминаемые ею названия и далее относятся не к музеям или достопримечательностям, а к сетевым магазинам или кафе.] брали джин-тоник в банках, вы такое видели? Мы выпивали его по дороге домой и хихикали как сумасшедшие. Теперь от нашей шайки никого не осталось. У двоих рак, у одного инсульт. Мы не знали, что «Парни из Джерси» – наша последняя поездка. Про первый раз всегда знаешь, верно? Но редко когда понимаешь, что этот раз – последний. В общем, жаль, что я не сохранила программку.

Мы сели в черное такси (какое же еще?) и поехали на Мэйфейр.

На Карзон-стрит Элизабет показала мне контору, где когда-то работала. Ее закрыли в 1980-х как нерентабельную.

У Джоанны на работе я уже бывала, когда ее компания только въехала в новое помещение, но с тех пор они прифрантились. Поставили теннисные столы и

напитки для сотрудников в свободном доступе. А в лифте не надо нажимать кнопку, а просто называешь этаж. Не по мне, но все же очень шикарно.

Я знаю, что вечно слишком много болтаю про Джоанну, но действительно, так чудесно было ее повидать. Она даже обняла меня как полагается, потому что мы были не одни. Потом Элизабет вышла «помыть руки» (я зашла на Чаринг-кросс, чтобы вы не считали меня сверхчеловеком). Как только она скрылась, Джоанна так и просияла.

– Мам! Убийство! – или что-то в этом роде. Совсем как ребенок, я давным-давно ее такой не видела.

– Ему проломили голову, Джоло. Подумать только! – ответила я. Именно этими словами, и, по-моему, тот факт, что она не скривилась и не запретила называть себя «Джоло», о многом говорит. (Между строк, она и на ощупь, и на вид что-то похудела; по-моему, новый парень ей не подходит. Я готова была воспользоваться случаем и сказать пару слов, а потом подумала: не испытывай удачу, Джойс.)

Мы сидели в комнате для совещаний, там стол сделан из самолетного крыла. У меня хватило ума не показывать удивления при Джоанне, но, честное слово, это что-то. Однако я держалась, будто каждый день вижу самолетные столы.

Элизабет переслала ей все материалы по электронной почте, а Джоанна передала их своему помощнику Корнелиусу. Корнелиус, кстати, американец, чтобы вы не удивлялись такому имени. Он спросил Элизабет, где она получила все эти документы, а она сказала: в «Реестре юридических лиц», а он – что в реестре таких документов не получишь, а она – тогда, мол, я в этом не разбираюсь, мне ведь уже семьдесят шесть.

Я слишком разболталась. Короче говоря, компании Вентама в полном порядке. Он знает, что делает. Но вот Корнелиус обнаружил два очень любопытных обстоятельства, о которых мы расскажем представителям полиции, когда они к нам доберутся. Все это Элизабет тоже вложила в свою голубую папку.

Джоанна была остроумной, яркой, очаровательной – а я уже боялась, что в ней ничего этого не осталось. Нет, все на месте. Может, у нее только для меня этого не осталось?

Я и раньше рассказывала Элизабет про Джоанну. Что мне кажется, мы не так близки, как обычно бывают матери с дочерьми. С Элизабет почему-то хочется говорить начистоту. Она знала, что мне невесело. Только сейчас я подумала: а может, вся поездка была затеяна только ради меня? И в самом деле, много кто сумел бы сказать нам то же, что и Корнелиус. Так что, может быть?.. Не знаю.

Прощаясь, Джоанна обещала подъехать в выходные, посплетничать. Я сказала, что это замечательная идея и можно будет съездить в Файрхэвен, а она сказала, что очень охотно съездит. Я спросила, не приедет ли с ней молодой человек, а она усмехнулась и ответила – нет. Такая у меня девочка.

Мы могли бы так же на такси вернуться на вокзал, но Элизабет захотелось прогуляться, и мы пошли пешком. Не знаю, представляете ли вы Мэйфейр – в тамошних магазинах ничего не купишь, но все равно было очень приятно. Мы выпили кофе в «Коста». Красивое здание. Элизабет сказала, что в тамошнем пабе любили выпить и она, и многие ее коллеги. Мы там немножко посидели, обсуждая, что узнали.

Если судить по сегодняшнему дню, расследование убийства обещает быть невероятно увлекательным. День выдался долгим, а приблизились ли мы к поимке убийцы, судите сами.

Кажется, Джоанна сегодня увидела меня с новой стороны. Или, может быть, я ее глазами увидела себя с новой стороны. В любом случае, очень приятно. И еще в следующий раз я расскажу вам про Корнелиуса, он нам понравился.

В поселке уже почти темно. Как проживешь жизнь, научишься считать хорошие дни. Прячешь их в карман и носишь с собой. Сегодняшний день я спрячу в карман и пойду ложиться.

Под конец скажу, что на Чаринг-кросс я заглянула в «Маркс» и купила пару банок джина с тоником. Мы с Элизабет распили их в вагоне на обратном пути.

Когда в поселке начинают гаснуть окна, Элизабет открывает свой ежедневник и проверяет вопрос на сегодня

«РЕГИСТРАЦИОННЫЙ НОМЕР НОВОЙ МАШИНЫ НЕВЕСТКИ ГВЕН ТАБЛДОТ?».

Хороший вопрос, думает она. Не марка машины – это было бы слишком просто. И не цвет, его можно угадать, а догадка ничего не доказывает, – а регистрационный номер. Такое требует именно крепкой памяти.

Как она не раз делала раньше, в другой жизни и по большей части в других странах и в другом веке, Элизабет закрывает глаза и мысленно дает приближение. И сразу видит – или слышит? То и другое: мозг говорит ей, что она видит. JL17 BCH.

Она проводит пальцем по странице, находит записанный номер. Точно. Элизабет закрывает ежедневник. Следующий вопрос она запишет позже, у нее есть хорошая идея.

Для протокола: машина была черный «лексус», невестка Гвен ТаблдоТ хорошо зарабатывает на страховании сделанных по индивидуальному заказу яхт. Что касается имени невестки – вот оно останется тайной. Элизабет ее всего один раз представили, и она не расслышала имени. Но уверена, что дело в слухе, а не в памяти.

Память – главный страх Куперсчейза. Забывчивость, рассеянность, выпадающие имена...

«Зачем это я сюда пришла?» Внуки будут над тобой посмеиваться. Сыновья и дочери тоже станут шутить, но при том будут приглядывать за тобой в оба глаза. Ночью то и дело просыпаешься в холодном поту. Из всех возможных потерь – потерять память? Пусть отнимут ногу или легкое, пусть все заберут, только не это. Пока ты не превратилась в «бедняжку Розмари» или «беднягу Фрэнка», лови последние лучи солнца и принимай их как есть. Пока не лишилась поездок, игр, Клуба убийств. Пока не потеряла себя.

Ты почти наверняка просто задумалась о другом, когда назвала внучку именем дочери, но как знать? Идешь как по канату.

И вот Элизабет каждый день открывает ежедневник и записывает для себя вопрос на две недели вперед. И каждый день отвечает на вопрос, который задала себе две недели назад. Такая у нее система раннего предупреждения. Вместо научной группы, отслеживающей сейсмограммы. Если приближается землетрясение, Элизабет узнает о нем первой.

Элизабет проходит в гостиную. Номерной знак двухнедельной давности – хорошая проверка, и она собой довольна. Стефан сидит на диване в глубокой задумчивости. Этим утром, до отъезда с Джойс в Лондон, они обсуждали дочку Стефана, Эмили. Стефан о ней беспокоился, сказал, что она похудела. Элизабет с ним не согласилась, но все-таки Стефан хотел, чтобы Эмили приезжала почаще и он мог за ней приглядывать. Элизабет согласилась, что это разумно, и обещала поговорить с Эмили.

Только вот Эмили Стефану не дочь. У Стефана нет детей. Эмили его первая жена, она четверть века как умерла.

Стефан – специалист по искусству Среднего Востока. Может быть, единственный специалист с большой буквы среди британских ученых. В шестидесятых-семидесятых годах он жил в Тегеране и Бейруте, и после много туда ездил, разыскивал похищенные шедевры из коллекций некогда богатых лондонских изгнанников. Элизабет в начале семидесятых ненадолго заносило в Бейрут, но их со Стефаном дороги пересеклись только в две тысячи четвертом, когда Стефан поднял оброненную ею перчатку перед книжным магазином в Чиппинг-Нортоне. Через полгода они поженились.

Элизабет ставит чайник. Стефан каждый день пишет, иногда по многу часов. К нему скоро должен приехать агент из Лондона. Свою работу Стефан запирает, но, конечно, для Элизабет никаких замков не существует, и она время от времени читает написанное. Иногда он просто переписывает раз за разом заметки из своей газеты, но чаще это рассказы для Эмили или об Эмили. У него очень красивый почерк.

Стефану больше не ездить поездом в Лондон, не обедать с агентом и не ходить по выставкам, даже не зайти за какой-нибудь справкой в Британскую библиотеку. Стефан на краю. За краем, если быть честной. Элизабет решила, что справится. Она, как умеет, подбирает ему таблетки. Седативные, признаться. На своих таблетках плюс ее таблетках Стефан никогда не просыпается ночью.

Чайник вскипел, и Элизабет наливает две чашки. Констебль де Фрейтас и ее старший инспектор скоро приедут поговорить. Все очень мило сложилось, а все-таки ей есть о чем подумать. Сегодняшняя их с Джойс поездка принесла сведения, которые можно сдать полиции, и хотелось бы получить что-то взамен. Хотя с Донной и ее начальником придется повозиться. У нее есть несколько задумок.

Стефан никогда не готовит, поэтому Элизабет не опасается, что он устроит пожар в ее отсутствие. Он не ходит в магазин, в ресторан, в бассейн, так что несчастных случаев тоже можно не бояться. Иногда она застает дома неумело скрытые следы потопа, иногда приходится что-то срочно постирать, но это пустяки.

Элизабет хочет сохранить Стефана для себя как можно дольше. Рано или поздно он упадет или станет кашлять кровью, и придется показать его врачу, которого не одурачишь, и тогда все. Он уйдет.

Элизабет сыплет в чай Стефану растертый в порошок темазепам. И добавляет молока. Будь здесь ее мать, она ввела бы правила этикета и на этот случай. Сначала темазепам, потом молоко. Или наоборот? Она улыбается – Стефану понравилась бы эта шутка. А Ибрагиму? Или Джойс? Вряд ли кому понравится, думает она.

Иногда они и теперь играют в шахматы. Элизабет однажды месяц просидела на конспиративной квартире где-то близ польско-восточногерманской границы – нянчилась с русским гроссмейстером-невозвращенцем Юрием Четовичем. Она помнит, как тот плакал от радости, узнав, что она хорошо играет. Элизабет не стала играть хуже, но Стефан всегда выигрывает, да еще так изящно, что у нее голова идет кругом. Хотя в последнее время они играют всё реже, вспоминает она. Может быть, последняя игра уже сыграна? И Стефан уже поставил последний мат? Только бы не так!

Элизабет подает Стефану чай и целует его в лоб. Он благодарит.

Элизабет снова достает ежедневник и пролистывает на две недели вперед, чтобы записать вопрос по информации, полученной сегодня от Джоанны и Корнелиуса.

СКОЛЬКО ЗАРАБОТАЕТ ЯН ВЕНТАМ НА СМЕРТИ ТОНИ КАРРАНА?

Внизу страницы она записывает ответ: 12,25 МИЛЛИОНА ФУНТОВ, и до завтра откладывает ежедневник.

Глава 25

Констебля Донну де Фрейтас известили накануне утром. Ее переводят в следственный отдел. Элизабет быстро управилась.

Донну подключили к расследованию дела Тони Каррана как «дублера» Криса Хадсона. Это новая инициатива в кентской полиции. Подразумевается инклюзивность, или наставничество, или этническое разнообразие, – что-то такое объяснял позвонивший ей из Мейдстоуна кадровик. Так или иначе, в результате она сидит на лавочке с видом на Ла-Манш, пока старший инспектор Крис Хадсон доедает мороженое.

Крис, чтобы скорее ввести дублершу в курс дела, вручил ей материалы по Тони Каррану. Донна не поверила своей удаче. Она с наслаждением взялась читать. Это уже похоже на настоящую работу. Вернулось все, что ей нравилось в Южном Лондоне. Убийства, наркотики, кто-то не без самодовольства выдает: «Без комментариев». Она читала и все ждала, что сейчас ухватит тоненькую ниточку, которая приведет к раскрытию дела двадцатилетней давности. Она уже прокрутила в голове сценку: «Сэр, я тут немножко покопала, и оказалось, что на 29 мая 1997 года пришлись банковские каникулы, а это, согласитесь, разносит в пух и прах алиби Тони Каррана». Крис Хадсон не поверит своим ушам – чтобы эта желторотая расколола дело? – а она добавит, подняв бровь: «Я отдала его почерк на экспертизу, сэр, и знаете что?» Крис сделает вид, будто ему неинтересно, но она-то увидит, как его проняло. «Оказывается, Тони Карран вообще был левшой». Тут-то Крис и сдуется. Ему ничего не останется, как передать дело ей.

Ничего из этого не вышло. Донна вычитала в деле не больше, чем Крис до нее: старую историю, как кому-то сошло с рук убийство, а потом убийца в свою очередь был убит. Ни горячих улик, ни неувязок – не за что уцепиться. И все-таки она наслаждалась.

– У вас в Южном Лондоне такого нет, а? – спрашивает Крис, тыча в море кончиком вафельного рожка.

– Моря? – на всякий случай уточняет Донна.

– Моря, – соглашается Крис.

– Да, тут вы правы, сэр. Есть Стритхэмские пруды, но это совсем не то.

В обращении Криса Донна чувствует неподдельную доброту и уважительность человека, хорошо знающего свое дело. Если бы она работала у Криса постоянно, то предприняла бы что-нибудь насчет его манеры одеваться, но всему свое время. Он, похоже, буквально понимает выражение «в простой одежде». И где люди находят такую обувь? В особом каталоге?

– Не хотите прокатиться, повидать Яна Вентама? – предлагает ей Крис. – Поболтаем о его размолвке с Тони Карраном.

Элизабет и тут не подвела. Позвонила Донне и во всех подробностях описала ссору, подсмотренную Ронем с Джойс и Джейсоном. Съездить лично все равно придется, но для начала это уже кое-что.

– Да, пожалуйста! – говорит Донна. – Или крутые детективы из отдела расследований не говорят «пожалуйста»?

Крис пожимает плечами.

– Крутые – это не по моей части, констебль де Фрейтас.

– Нельзя ли поскорее перейти к стадии, на которой вы будете звать меня Донной? – просит Донна.

Крис бросает на нее взгляд и кивает.

– Хорошо, постараюсь, но ничего не обещаю.

– А что нам нужно от Вентама? – спрашивает Донна. – Мотивы?

– Именно. Он не поднесет их нам на блюдечке, но если посмотреть и слушать, что-нибудь да выловим. Только позвольте, вопросы буду задавать я.

– Конечно, – соглашается Донна.

Крис приканчивает рожок.

– Разве что у вас будет стоящий вопрос.

– Окей, – кивает Донна. – Один, может быть, захочу задать. Заранее предупреждаю.

– Справедливо, – Крис встает. – Идем?

Глава 26. Джойс

Кто не рискует, тот не выигрывает. Вроде бы так оно говорится. Именно поэтому я пригласила Бернарда пообедать.

Приготовила баранину с рисом. Баранина от «Вайтроз», а рис – от «Лидл». Я всегда так делаю, и, честное слово, никакой разницы не заметно. Сейчас здесь все чаще появляются фургоны «Лидл» – народ просек фишку.

Бернард все равно не из тех, кто почувствует разницу. Я знаю, он каждый день питается в ресторане. Что ест на завтрак, понятия не имею, но этого обычно ни про кого не знаешь. Я привыкла пить чай с тостами под местное радио. Некоторые завтракают фруктами, да? Не знаю, когда завелся этот обычай, но он не по мне.

С Бернардом это было не свидание, не подумайте, но все-таки я попросила Элизабет не говорить Рону с Ибрагимом, потому что они бы от меня не отстали. Будь это свидание – а это не оно, – я бы так и сказала. Он любит поговорить о

покойной жене. Я не против, я его понимаю, но все же это непросто. Хотя не мне бы жаловаться, знаю.

Может, я чувствую себя виноватой, потому что почти не вспоминаю Джерри вслух. Наверное, это не помогло бы мне держать себя в руках. Я храню Джерри тугим комочком, только для себя. Мне кажется, если распустить этот комочек, он меня накроет, а то и взорвется. Знаю, глупо. Джерри понравилось бы в Куперсчейзе. Столько комитетов. По-моему, несправедливо, что он сюда не попал.

Ну вот, о чем я и говорю. Слезы щиплют глаза, совсем не ко времени и не к месту. Я же писать взялась.

Жена Бернарда была из Индии, по тем временам очень необычно, и женаты они были сорок семь лет. Въехали сюда вместе, но через полгода с ней случился инсульт, и она попала в «Ивы». Умерла полтора года назад, еще до меня. Как он о ней рассказывает! Жаль, что мы с ней не встретились.

У них одна дочка, Судхи. Она живет с партнером в Ванкувере, они приезжают пару раз в год. Вот если бы Джоанна переехала в Ванкувер... А с нее станется.

Мы не только об этом говорили, не хочу, чтобы у вас сложилось ложное впечатление. Мы обсуждали бедного Тони Каррана. Я призналась Бернарду, что меня очень волнует его убийство. Он на меня так покосился – я сразу вспомнила, что не с каждым можно говорить, как с Элизабет, Роном и Ибрагимом. Но, между нами, девочками, косой взгляд Бернарду к лицу.

Еще немножко поговорили о его работе, хотя я все равно ничего не уразумела. Если вы понимаете, что такое инженер-химик, так вы умнее меня. Не поймите неправильно, я знаю, что такое инженер – и что такое химик тоже, только они у меня не связываются между собой. И я рассказала немножко о своей работе и несколько анекдотов про пациентов. Он посмеялся, а когда я рассказывала, как молодой интерн засосал свое хозяйство пылесосом, у него глаза так заблестели, что я воспрянула духом. Приятно было видеть – больше ничего не скажу, но чую, что в Бернарде кое-что еще кроется, если к нему подобраться. Я умею отличить одиночку от одинокого. Берnard – одинокий. Это можно вылечить.

Меня тянет к бесприютным. Джерри был из бесприютных – я это сразу поняла. Всегда смеялся и острил, но ему нужен был дом. Я дала ему дом, а он мне взамен – куда больше. Ох, Джойс, как здесь было бы хорошо этому чудесному человеку.

Меня понесло, совсем как Бернарда, да? Хватит уже, Джойс. Какая глупость, вот и слезы потекли. Пусть себе текут. Если иногда не поплакать, кончишь тем, что будешь плакать без умолку.

Элизабет пригласила Донну с ее старшим инспектором навестить нас ближе к вечеру. Она хочет передать им то, что мы узнали от Джоанны и Корнелиуса, и попытается получить кое-что взамен.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Многоквартирные дома в поселке называются по именам известных поэтов – Ларкин, Рёскин, Вордсворт и т. д. Здесь и далее примечания переводчика, если не указано иное.

2

Стоун (или стон) – британская единица измерения массы, обычно используется, когда речь идет о массе тела человека. Равняется приблизительно 6,35 килограмма. Прим. ред.

3

Футбольный клуб Стратфорда.

4

Артур Скаргилл – британский профсоюзный активист, президент Национального союза шахтеров с 1982 по 2002 год, известен радикальными взглядами.

5

Фамилия звучит как «болван», «тупица».

6

Вероятно, магазин «Маркс и Спенсер» или кафе при нем. Джойс – большая любительница шопинга. Упоминаемые ею названия и далее относятся не к музеям или достопримечательностям, а к сетевым магазинам или кафе.

Купить: https://tellnovel.me/ru/osman_richard/klub-ubiystv-po-chetvergam

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)